

СЕРГЕЙ ИЛЬИН
КОРОННЫЙ
ДОЗНАТЧИК.
СЫСКАРЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Ильин

Коронный дознатчик. Сыскарь

«Автор»

2026

Ильин С. М.

Коронный дозначик. Сыскарь / С. М. Ильин — «Автор», 2026

Эльфы, орки, гоблины и при том в мире, где нет магии? Как тогда объяснить появившиеся способности медиума? С чего вдруг такое благоволение и почести от власть имущих особ? И как выжить простому медпреду из Челябинска, когда вокруг сплошные заговоры и интриги?

© Ильин С. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Ильин

Коронный дозначик. Сыскарь

Книга первая

Пролог

Нога до упора выжала тормоз. Недовольно захрустела АБС-ка, шины проскрежетали шипами по асфальту, и большой чёрный внедорожник, мягко перекатив через «лежачий полицейский», замер в метре перед пешеходным переходом.

— Откуда она взялась? — вытаращился Лысый на ветхую старушку, внезапно появившуюся перед самым капотом автомобиля.

Дворники лениво соскребли с лобового стекла быстро тающие снежинки, словно специально обращая внимание водителя на неожиданно возникшее препятствие: сухонькую, согбенную годами фигурку в какой-то бесформенной хламиде. Из-за укутавшей голову тёплой шали даже лица не разглядеть. А впрочем, кому это надо?

Чуть не приложившись носом об руль, Лысый раздражённо надавил на клаксон, надеясь оглушительным сигналом заставить убогую отойти и освободить дорогу.

Не тут то было. Бабка не сдвинулась и на полшага. Напротив, повернулась к машине и принялась яростно размахивать своей деревянной клюкой.

Лысый, покосившись, глянул в зеркало на сидящего позади и недовольно нахмурившего брови пассажира. Заорал на ненормальную пешеходку, словно та могла услышать его сквозь бронированные стёкла автомобиля:

— Слышь, карга старая, вали отсюда!

Замахал рукой, прогоняя бабку. Но та, раздухарившись, залепила со всего маху клюкой по жалобно гроыхнувшей крышке капота.

— Вот зараза! Ты чё творишь?! Крузак нулёвый совсем! — Лысый аж подскочил от негодования и тут же ткнул локтем в бок Сиплого, развалившегося на соседнем сидении: — А ты чё лыбишься?! Иди убери её на хрен с дороги!

— Тебе надо, ты и иди, — заржал Сиплый. — Колёса — это твоя зона ответственности.

— Вот ты... — совсем уже начал закипать Лысый, но раздавшийся за спиной вкрадчивый голос пассажира оборвал злую тираду, уже готовую сорваться с языка:

— Илья Борисович, мы сегодня поедem или как? Соболаговолите уже поторопиться.

Гладковыбритая голова Ильи Борисовича непроизвольно втянулась в плечи. Потому как надменная вычурность, появляющаяся в речи этого лощёного сноба, не сулила собеседнику ничего хорошего.

— Один момент, Вилент Карлович! — торопливо кивнул Лысый и, зыркнув на злорадно ухмыляющегося соседа, прошипел: — Ну ты, Сиплый, и сука! Припомню...

Перевёл рычаг автомата на паркинг и приоткрыл дверь.

В салон тут же ворвался зябко-противный ноябрьский ветер. Пронизывающий до костей, отбивающий всякое желание выбираться наружу, но всё же казавшийся совершенно незначительной неприятностью по сравнению с недовольством хозяина.

Однако, едва нога высунувшегося из машины водителя коснулась заледенелого асфальта, а голова очутилась под мелким и колючим снежным крошевом, громкий и очень уж тревожный вопль Вилента резанул по ушам:

— Нет! Назад! Валим отсюда!

Лысый сначала уставился на бабку, не понимая, чем эта полоумная так напугала хозяина, но, сообразив, что дело не в старухе, обеспокоенно заозирался по сторонам.

Засада — вот в чём дело! Бабка была подставной, а из остановившейся на встречной полосе машины выскакивали вооружённые автоматами люди и деловито устремлялись к внедорожнику. Справа на обочине тоже закипела движуха. Из-за припаркованного чуть дальше у дороги какого-то оранжевого грузовика выскакивали стрелки. Да и с припорошённой снегом земли поднимались вооружённые люди, совершенно до того не заметные, и тоже спешили к машине.

— Захлопни дверь и газу! — истерично заорал Вилент. — Это экзекуторы!

Лысый не сильно блистал интеллектом и впервые слышал про экзекуторов, но ему хватило мозгов просто подчиниться хозяину. Ещё даже не втащив назад в салон свою тушу, он дотянулся правой ногой до педалей, сначала выжимая тормоз. Одна рука, дёрнув рычаг передач, врубила драйв. Другая, прежде чем захлопнуть дверь, вдавила кнопку блокирующего центрального замка.

Снаружи раздались глухие хлопки выстрелов, а по стёклам и бортам крузака затарабанил пулевой град.

— Газу, газу! Дави эту суку! Гони! — вопил Вилент, растеряв всю аристократичность и нервно роясь в своём жёлтом кожаном портфеле. — Да где этот грёбанный трансгрейдер?!

Лысый знал, что броня машины выдержит и не такой обстрел, но всё равно поддался желанию пригнуться и поскорее убраться из-под огня.

Правая нога уже вдавила педаль газа в пол, позволяя машине резво рвануть вперёд. Левая же, до конца не втянутая в салон, всё ещё мешала захлопнуть водительскую дверь.

— Вот он! — радостно заголосил Вилент. — Давай, Лысый, жми! Мы должны двигаться!

А Лысый, недоумевая, какого такого транс... педика обнаружил хозяин в портфеле, невольно оторвал взгляд от насаженной на капот и вцепившейся в дворники старушки. Обернулся.

В руках Вилент держал какой-то непонятный блестящий шар, размером с теннисный мяч, и суетливо тыкал в него пальцем. Станный девайс, непонятно каким боком имевший отношение к лицам нетрадиционной ориентации и оживлённый манипуляциями Вилента, вначале лишь слабо мерцал, но потом вдруг принялся быстро набирать мощность свечения.

Однако, что было дальше, Лысому досмотреть уже не удалось — левую лодыжку обожгло пробившей её пулей, а в узкую щель неприкрытой двери с гулким стуком влетел зелёный металлический цилиндр, прокатившийся по передней панели и свалившийся на колени Сиплону.

— Граната! — спихнув цилиндр на пол, заорал тот и, дёрнув ручку своей дверцы, выскочил из машины прямо на ходу.

Сжав зубы и зачем-то прищурившись, Лысый приготовился к неизбежному. Но громкий хлопок вовсе не оборвал его жизнь, а всего лишь заполнил салон едким и непроглядным чёрным дымом. Правая нога, будто по собственной воле, перескочила на тормоз, и машина, вопреки приказу Вилента, замерла на месте.

Глава 1

— Тебя что, не учили за буйки не заплывать? Штольц, ты вообще читал правила? — Голос в телефоне негодующе дребезжал. Я живо представил, как взъярившийся начальник брызжет сейчас слюной на собственный стол, и ухмыльнулся.

— Сто раз, Марат Фаризович. Но вы же знаете, у меня плохая память.

Кстати, всегда любил поплавать за буйками. Даже в детстве, когда меня пытались удерживать в лягушатнике.

— Да клал я на твою память! Не скреби мне мозг! Правила для того и пишутся, чтобы их соблюдали! Тебе тридцать с лихуем лет, а ты... — Телефон буквально взорвался гневными воплями директора. Я его даже от уха отодвинул, чтоб не вникать в суть поливших претензий.

Всё равно ничего нового не услышу. К тому же впереди на обочине нарисовался наряд ДПС. Не хотелось заработать штраф за разговор по телефону во время движения. Мне и за превышение скорости этих «писем счастья» с лихвой уже наприлетало.

Миновав полицейскую машину и уловив снижение градуса накала в воплях Марата, я вновь поднёс смарт к уху. И, едва шеф сделал паузу, набирая в грудь свежую порцию воздуха, поинтересовался:

— Похоже, вас что-то тревожит?

— А как ты думаешь, Владик?! — с новыми силами заголосил начальник. — Тревожит меня или нет, что ты выехал на час позже положенного?!

— Так всё равно ж успеваю. — Я пожал плечами. — Сейчас наверстаю. Для того и поменял резину.

— Ты её, мудень, заблаговременно поменять должен был!

— Тут связь плохая. — Оправдываться я не собирался. — Вы пропадаете...

Сбросив звонок, я отложил телефон на соседнее кресло и выжал газ.

Суббота, утро. А вчера вечером ещё и снег первый повалил. Слегка местами обледеневшая дорога впереди была почти пустой: переобуться мало кто успел. Можно притопить в удовольствие, не играя в шашечки. Главное, за черту Челябинска выскочить и на трассе камеры не проворонить. На начальника плевать. Пусть вообще радуется, что я согласился в свой честный выходной в областной филиал его клиники эти дурацкие коробки отвезти. Они там сами виноваты — пациентов назначили, а запасом расходников не озаботились. Пусть ждут теперь.

Шёл я пока под восемьдесят. В черте города да на такой дороге больше и не надо. А вот чёрный, тонированный в ноль крузак летел, наверное, километров сто двадцать, не меньше. Обошёл меня, как стоячего.

Только он мимо проскочил, а передо мной справа с обочины какой-то дятел в жёлто-полосатой жилетке выбежал с переносным знаком «проезд закрыт».

Совсем дорожник обалдел! Я ж его чуть не сбил! Даже струхнул неслабо, объезжая работничка и чувствуя, как машина идёт юзом по скользкой дороге. Чуть ведь в разделительное ограждение не влетел.

Но обошлось, выровнялся. В зеркало ещё даже успел засечь, как этого идиота в жилетке газелька грузовая обогнула и в хвост мне пристроилась.

А впереди, не сильно-то далеко умчавшись, крузак резко затормозил и остановился на пешеходном переходе. Совершенно пустом, кстати. Ни слева, ни справа от него — ни единой души. Разве что на правой обочине машина дорожников огоньками мигала. Ну и на встрече ещё кто-то тормознул. Так, словно на стену налетел. Может, там яма какая?

Только я скорость на всякий случай сбросил, как к джипу со всех сторон народ, не известно откуда взявшийся, кинулся. И давай долбить по машине из автоматов. Силовики? Учения, может, какие?

Я по тормозам. Да только бестолку. Заскользил к джипу, как на коньках. И, словно в кино наблюдая, как нападающие из внедорожника натуральным образом дуршлаг пытаются сделать.

Не знаю, куда там, чем и в кого вояки попали, но вскоре из всех щелей крузака дым повалил. Густой, чёрный. И как полыхнёт вдруг ярко-ярко. Словно свето-шумовую гранату кто-то бросил. Но только шуму-то особо и не было.

А вот в глазах у меня сразу резь от сюрприза такого образовалась. И, кроме кругов цветных, перед взором вообще ничего. Только и оставалось, что зажмуриться да молиться. Я б на тормоз ещё сильнее нажал, но педаль и так уже в пол вдавлена была.

В общем, остановиться, не доехав до внедорожника и штурмовиков, не судьба мне была. Ведь, едва машина начала замедлять свой полёт, как сзади в неё что-то врезалось.

Газелька, больше некому!

Меня развернуло и закрутило. Телефон с кресла улетел куда-то на пол. Я посильнее вцепился в руль, радуясь, что не забыл пристегнуться. Хотя, если машину воткнёт водительской дверцей в угол джипа или в тяжёлый драндулет дорожников, ни молитвы, ни ремень безопасности меня не спасут.

Эх, хотел же ещё позавтракать по пути заскочить. Поехал бы на полчаса позже. Лишь бы подушка сработала!

Пока глупые мысли бешеными тараканами носились в моей голове, машина, всё так же весело кружась, явно выскочила на обочину и соскользнула в неглубокий кювет. Чуть прокатилась ещё, проскрежетала днищем по каким-то камням. Впечаталась во что-то правым боком и замерла.

А по стёклам и железному корпусу задолбили со всех сторон частые выстрелы.

В меня-то зачем?!

Сыпанув матами в адрес тупых стрелков и вредного ремня безопасности, помешавшего сразу же укрыться от пуль, я вслепую дрожащими пальцами нащупал и выщелкнул фиксатор. Суежливо высвободился из плена ремня и вжался в сидушку соседнего кресла. Пока что я всё ещё чудом оставался жив.

Наверное, с минуту прошло, прежде чем взбрыкнувшее и отказавшее зрение потихоньку стало возвращаться. Темнота, разбавленная лишь мельтешением разноцветных кругов, сменилась серостью и смутно проявившимися расплывчатыми линиями, еле опознанными взбужденным мозгом, как геометрический рисунок на резиновом коврикe.

Ну да, я по-прежнему, как страус, прятал голову, засунув её чуть ли не под бардачок, в надежде, что пули не пробьют жестяной кузов машины.

И всё потому, что, хоть и не было больше слышно выстрелов, бряцанье попаданий по железу отнюдь не прекращалось. Ну разве что малость пореже стало.

Вылезать из машины я пока не собирался — получить пулю в лоб не хотелось. Да и не в лоб тоже. Было бы ради какой высокой цели, а то ни за что, ни про что. Ну его к чёрту, помирать из-за чужих разборок, не имеющих ко мне никакого отношения.

С громким хлопком разбилось и осыпалось боковое стекло, навалив мне за шиворот кучу мелких осколков. Хорошо хоть, не сильно острых.

Ворвавшийся в салон ветерок принёс мягкий аромат какого-то лугового разнотравья, впрочем, тут же перебитый запахом бензина. Камнями бак пробило? Или пулями? Не хватало ещё загореться.

Валить нужно из машины! Но как? Эти идиоты продолжали лупасить, словно я мишень в тире.

Выковыривая холодное крошево из-под воротника, я обеспокоенно глянул на окно. В центре сетки из трещин порядочная дыра где-то, наверное, в полкулака. Это чем же таким по мне стрельнули, гады? Представляю, на что сейчас машина похожа! А ведь и года не прошло, как взял её. В кредит, между прочим, который ещё выплачивать и выплачивать.

За всё время ни в одну аварию попасть не успел. А тут такая, мягко говоря, ситуация! Интересно, это попадает под страховой случай или нет?

В дыре виднелось ярко-синее небо.

И когда это серая хмарь пропасть успела? Вроде только что всё было затянуто непробиваемой пеленой снежных облаков, а теперь небо чистое и солнце наяривает во всю дурь, играя радужным многоцветьем на побитых стёклах.

Топот приближающихся шагов и грохот двери, сминаемой резким ударом.

Твою медь! Прямо возле моей головы! Зачем добивать и без того уже вдрызг измаханную машину?!

Кто-то попытался вломиться в дверь, напрочь игнорируя наличие ручки на ней. И не преуспев в этом тупом занятии, яростно саданул по потрескавшемуся стеклу, ссыпав его остатки

мне на голову. А потом тяжёлая рука этого вандала опустилась мне на загривок и одним мощным рывком выдернула за шкурку наружу. Прямо сквозь проём окна.

Затрещавший воротник куртки еле выдержал такое грубое надругательство, чудом не оторвавшись. Я ударился ногами сначала о край двери, а затем и о землю.

Меня безжалостно поволокли прочь от машины. Ворот куртки сдавил горло, мешая нормально дышать. А все мои попытки хоть как-то встать на ноги, дабы избежать такого нелепого способа перемещения, оканчивались полным провалом. И всё что я мог наблюдать — это мельтешащие перед самым моим носом чьи-то высокие кожаные сапоги, оставляющие две неровные мятые борозды в высокой сочно-зелёной траве.

Наверняка мои собственные ноги, скребя носками ботинок по земле, оставляли позади похожие следы. Без понятия, почему такая дребедень лезла мне в голову в столь экстремальных обстоятельствах, но я был явно не в состоянии думать о чём-либо ещё. До тех пор, пока волокущий меня беспардонный наглец сам совершенно неожиданно не повалился наземь, прямо как шёл, мордой вперёд.

Хватка его на моём загривке ослабла, и я, наконец-то высвободившись из позорного плена, решил осмотреться.

И прежде всего моё внимание привлекли стальные неширокие хвостовики стрел или, скорее даже, коротких дротиков, живописно торчавших из спины моего похитителя. Этот здоровенный детина презабавно, кстати, был одет в коричневую замшевую куртку с дурацкой бахромой на рукавах и кожаные штаны, заправленные в грубо скроенные сапоги со шпорами. Ощущение того, что бугай вырядился грёбаным ковбоем, усиливала и слетевшая с головы ярко-красная широкополая шляпа. Бритый налысо затылок почему-то тоже отливал нездоровой краснотой, словно его только что ошпарили. Может, шляпа полиняла? Или его спецом под Хэллбоя покрасили?

Хотя Хэллоуин народ вроде отпраздновал уже. С чего тогда этому здоровяку рядиться-краситься?

Кожа над ухом продрана, наверное, до черепа. Кровь обильно сочилась, стекая на траву и перекрашивая яркую зелень в тёмный багрянец. Похоже, дротик, угодив в голову громиле, прошёл немного вскользь. Хоть и не продырявил мощную черепушку, но, хорошенько ударив, заставил бедолагу потерять сознание.

Чуть приподнявшись над подстреленным чудиком, я вытянул шею и завертел головой.

В той стороне, куда меня волокли, совсем неподалёку наблюдалось скопление деревьев. Прячась за которыми, несколько суровых мужиков, таких же красномордых и таких же нелепо разодетых, выцеливали меня из дуствольных ружей.

Что ещё за ковбои-охотники? И на кой я им сдался? Они меня что, в компанию к тем, что в джипе, приписали по ошибке?

По позвоночнику разлился неприятный холодок. Всё тело напряглось и самопроизвольно попыталось сжаться, уменьшившись до безопасного размера. А мысли, забурлив, решили вскипятить мой мозг в попытках выявить оптимальный вариант вытаскивания моей брэнной тушки из этой задницы.

В конце концов я уже решился было поднять руки, показывая намерение сдаться, когда вдруг понял, что целятся ряженные мужики не в меня. Да и стреляют они вовсе даже не из ружей.

Эти красномордые ковбои палили не переставая, после каждого выстрела-щелчка перезаряжая свои пулялки. Причём делали они это презабавным образом, хватаясь за рычаг, ошибочно принятый мной сначала за нижнее дуло охотничьего ружья-вертикалки. Дёргали вниз и на себя, как ствол духовушки из тира, возвращали на место и вновь стреляли, целясь в кого-то поверх моей головы.

Какое-то пневматическое оружие, стреляющее дротиками?! Никогда раньше не видал такого. Странно всё. Словно какие-то ролевики вздумали поиграть, стреляя друг в друга из самодельных девайсов. Вот только хвостовики этих странных снарядов, торчащие из спины бездвижно лежащего ничком громилы, однозначно давали понять, что дело нешуточное и никакими постановочными играми переростков-реконструкторов тут совсем не пахнет.

Естественно, даже не пытаясь подняться на ноги, я завертел головой, желая узнать, что за ерунда тут творится и почему я принимаю в ней, пусть и не очень активное, но всё же участие.

И то, что я выяснил с первых же секунд рекогносцировки, повергло меня в немалый шок.

Нет, таинственных врагов красномордых я так и не разглядел. Они прятались среди густых зарослей леса на другой стороне огромной поляны. Поляны, Карл!

Сколько я потом не вытягивал недоумённо шею, несмотря на свистящие над моей головой дротики, никакого шоссе с джипом, машиной дорожников и толпой спецназеров обнаружить не смог. Их не было! От слова «совсем»! Вот машина моя, уткнувшаяся смятым боком в здоровенную каменюку, была, а всего остального, по идее, должного её окружать, не было.

Со всех сторон просторную поляну огораживал лес, проскочить через который, слетев с дороги, моя машина никак бы не смогла. Слишком густые посадки в том месте, на которое указывает оставшаяся позади автомобиля примятая трава. Трава, а вовсе не свежий, щедро наваленный, ноябрьский снег! Да и начинается этот странный тормозной путь вовсе не от деревьев, а, словно ниоткуда взявшись, прямо посреди поляны. Не по небу же я сюда перелетел! Я б такое запомнил.

Приехали. Либо у меня поехала крыша, либо одно из двух.

Скорее всего, во время аварии меня приложило обо что-то башкой и теперь я лежу в коме, а всё, что происходит вокруг — плод галлюцинаций, частенько сопутствующих сотрясению мозга.

Так что можно не бояться ни этих красномордых придурков, ни их врагов.

Ёжкин шпрот! Шоркнувший по самой макушке дротик, прилетевший с дальнего края поляны, убедительно доказал, что боль в этом примерещившемся мире ничем не отличается от настоящей.

Припав к земле, я ухватился за сильно засаднившее место, чувствуя, как по волосам и пальцам засочилась самая настоящая тёплая и липкая — моя, твою налево! — кровь.

Если это и галлюцинации, то они чересчур реалистичные. Нужно было как-то выбираться из этой ситуативной задницы. Оставалось лишь решить, как.

Принимая во внимание, что красномордые не палили по мне, и, если предположить, что подстреленный детина пытался вытащить меня из-под обстрела, наверное, более разумным было бы перебраться под защиту этих псевдо-ковбоев.

Я уже вознамерился, встав на четвереньки, двинуть в сторону красномордых, когда, казалось, бездыханная туша громилы шевельнулась. Послышался тихий короткий стон, неоспоримо свидетельствующий о том, что этот грубиян, чуть не задушивший меня, всё ещё жив.

Чёрт! С одной стороны, этот верзила слишком тяжёл. С другой, возможно, пытался меня спасти. Опять-таки, спасение этого бугая может принести мне какие-то предпочтения при общении с его друзьями. Как ни крути, лучше постараться вытащить его с поля боя.

Что ж, самое время вспомнить свою службу в армии. Будучи санинструктором и не таких верзил умудрялся вытаскивать из-под огня. Ведь, чтобы оказать хоть какую-нибудь помощь раненому, необходимо его из красной зоны хотя бы в жёлтую оттащить. А лучше и вовсе в зелёную, полностью безопасную в плане обстрела. Значит, придётся бугая к деревьям волочь.

За шкварник его не потащишь, скребя спиной по земле, — вонзившиеся в тело дротики все внутренности мужику раскурочат. На боку, как положено, ухватив за нижнюю руку, заведённую под мышку верхней, тоже не потянешь. Я ему, елозя коленями, сам раны растревожу и

только ещё хуже сделаю. Загнётся, до своих не добравшись. Остаётся одно — подползать под красномордого и, взвалив на спину, тащить ползком на себе.

Какое-никакое, а решение. Причин растягивать удовольствие, парясь непонятками посреди поляны, я не видел. Потому и перешёл к более активным действиям.

Первым делом вытянул руки раненого вперёд. Улёгся параллельно с огромным телом, чувствуя себя рядом с ним щедедушным хлюпиком. Приподнял, поворачивая тяжёлую тушу на бок.

Мама дорогая! Ну и рожа у тебя, Шарапов!

Довольно молодой парень. Ни усов, ни бороды — совершенно гладкое лицо. Только черты этого лица, мягко говоря, весьма экзотические. Словно кто-то пародию на Валуева слепил. Такие же глубоко запрятанные под мощные надбровные дуги глаза, кажущиеся мелковатыми в сравнении с громадным мясистым носом, выпирающими скулами и тяжёлым, немного вытянутым книзу, подбородком. Правда, Николай, если и сравнивать его с этим красномордым, просто красавчик. Особенно, принимая во внимание огромные кривые зубы парняги, как будто не помещающиеся в приоткрытой пасти. Натуральный орк из игр, только почему-то красный, а не привычно-зелёный. Да и одет совсем нетипично для орков.

Но, кем бы здоровяк ни был, пришлось заползть под него на пузе и, сложив тяжеленные руки бугая себе на плечи, взваливать на спину и ползти с ним к деревьям. Шкрябая и частенько проскальзывая ботинками по сочной траве. Натужно кряхтя и сильно надеясь, что был прав, и дружки раненого меня не пристрелят, едва я до них доберусь.

Глава 2

— Не стреляйте! — Выдавить из себя даже такую короткую фразу под гнётом неподъёмной туши оказалось совсем непросто.

Казалось, что придавивший меня к земле детинушка весит полтонны, не меньше. До деревьев оставалось ещё метров десять, а силы у меня уже закончились и полз я чисто на морально-волевых. Про дыхалку и говорить нечего, я уже давно хрипел раненым носорогом.

Стрелять в меня не стали. Совершенно спокойно, будто и не вёл противник никакого ответного огня, выдвинулась из леса ко мне троица красномордых верзил. Подойдя чуть ли не вразвалочку, двое из них подхватили под мышки и потащили прочь своего раненого приятеля. Третий же решил помочь мне. Ну как помочь — вцепился в многострадальный воротник куртки и поволок меня за шкуру вслед за остальными.

Честно говоря, при виде того, как наплевательски бригада «спасателей» относилась к свистящим над головами дротикам, у меня зародилось сильное подозрение, что ублюдки могли всё это проделать гораздо раньше. Просто им по приколу было наблюдать, как я пыхтел, пердел и корячился, вытаскивая их приятеля с поляны.

В конце концов нас затащили в лес, укрыв от обстрела за толстыми стволами деревьев. Своего так и не пришедшего в сознание товарища странные верзилы-орки уложили на травку. После чего один из них отправился назад, видимо, на боевую позицию. А второй, присев возле раненого, принялся его осматривать, сокрушённо при этом покачивая головой и что-то недовольно бубня себе под нос. Меня же в это время, подняв и поставив на ноги, предъявили, видимо, предводителю шайки странных стрелков.

От всех остальных этот индивид отличался разве что обилием морщин на подернутой угрюмой меланхолией роже и редкой седой порослью по бокам массивной нижней челюсти. Да еще ростом он был чуть поменьше, но с более широкими плечами. Впрочем, даже сутулясь, этот коренастый дедок был на треть головы выше меня. И это при моих-то ста восьмидесяти сантиметрах роста.

Сразу вспомнилась поездка в Черногорию. Там всё население под два метра, даже девушки. Чувствуешь себя постоянно низкорослым замухрышкой.

— Здоров будешь, пришлый, — между тем промолвил дедок, снимая ковбойскую шляпу и протирая платочком свою лысую шишковато-неровную черепушку.

— Чего это я пришлый? Я местный. Здрасьте, — поздоровался я, тоже машинально пригладив свои взлохмаченные волосы, кивнул и поморщился, нечаянно коснувшись царапины. А заодно и заметив, насколько умудрился изгваздать штаны зелёным травяным соком.

— Пришлый, пришлый, — поспешил заверить меня дедок. — Даже не юли. Видали мы, иномирец, как ты из портала на своей колеснице механической явился.

— Иномирец? — как дурак повторил я за пожилым орком. — Какой ещё портал?

Нет, я читал, конечно, кучу фэнтезины про магические порталы и перемещения между мирами. Ну или про всякие непонятные способы типа попадания в злоеший туман. Или реинкарнацию какую-нибудь, что, наверное, ближе всего к моему случаю. Но, если я помер, а тут воскрес, то почему вместе с машиной? Чёрт, как голову не ломай, один чёрт, бред полнейший.

— Обыкновенный портал, — тем временем, флегматично пожимая плечами, уверенно заявил дед, однозначно давая понять, что ему на мои сомнения плевать и он знает, о чём говорит. — Трансгрейдером сотканный и запущенный. Ты ж на своей колеснице в дым въезжал?

— Да, — кивнул я, — в густой такой.

— А вспышка перед тем яркая была?

— И вспышка была.

— Ну вот, — развёл руками дед, — у себя там в портал въехал, а тут выехал. Обычное дело. Только тебе больше повезло, чем дружку твоему. Потому как ты в колеснице был.

— Какому дружку?

— Тому, что прямо перед тобой из портала вывалился.

— И где он? — если всё это не бред, то оказаться здесь в компании с кем-то из родного мира всяко было лучше, чем совершенно одному.

— Да там валяется, — не замедлил огорчить меня дед, махнув рукой в сторону поляны. — Говорю же, не повезло. Подстрелили его злыдни окаенные, едва на ноги поднялся.

Паршиво. Интересно, что за «злыдни» там такие? С кем эти орки-чингачгуки сцепились?

— Так может, он живой ещё? Может, сходить за ним нужно?

— Митиано уже сходил за тобой. — Нахмурив седые кустистые брови, дед кивнул в сторону раненого, из спины которого один из верзил невозмутимо выдёргивал один за другим дротики и, вытирая их об траву, складывал в свою поясную сумку. — Говорил ему, не лезь под обстрел. Так нет, сунулся. Только и остаётся теперь родным сказать, что этот оболтус героически в бою пал.

— Так он же живой ещё! — удивился я.

— Надолго ли, — покривился дед. — Пока довезём до лекарей, искровянит весь.

— В смысле, от потери крови помрёт? Так чего ж не перевяжете его? — удивился я.

Что за нелепый фатализм и наплевательское отношение к раненому? И на кой нужно было дротики из него выдёргивать? Они хоть немного дыры в теле затыкали, а теперь кровь и впрямь сильнее пошла.

— Поздно уже. Видишь, как побледнел? Слишком долго ты его сюда тащил.

Зашибись! Теперь я же ещё и виноват.

— Бинты есть? Чем вы раны перевязываете? — на мой взгляд, красный цвет кожи Митяни, или как его там, ничуть не изменился.

— Толку-то, — вздохнул дед. — Если б руку или ногу проткнуло... А его вона как всего. А нам ещё подмогу ждать невесть сколь.

— Бинты давайте, попробую хоть что-то сделать, — решительно заявил я.

Помрёт или нет, это уж как местные боги распорядятся, если имеются таковые. А не попытаться всё равно нельзя. Я что, зря его пёр на себе столько?

— Гойто! — гаркнул дед и скомандовал торопливо притопававшему на зов здоровяку: — Сходи до лошадей, принеси суму с перевязкою лекарской.

— И поскорее, — добавил я, за что тут же заработал весьма неодобрительные взгляды обоих красномордых орков. Словно и не их товарища я спасти собирался.

Тем не менее Гойто незамедлительно ушмыгнул куда-то в зелёные заросли, а я, раз уж вызвался помогать, сунулся к раненому. Из ножен, болтающихся у него на поясе, извлёк нож нехилых размеров. Таким не то, что человека, медведя ухайдакать можно. Но я всего лишь куртку бедолаги на спине разрезал, чтоб снять проще было, лишний раз тело не ворочая и раны не тревожа. Рубаху тоже располовинил. Думаю, если выживет парень, не будет на меня в обиде за порчу одежды.

Рубаха из грубоватой, словно домотканой, ткани. Вроде чистая. Можно попробовать ею же раны и затампонировать. Ещё бы продезинфицировать чем.

Блин, у меня ж в багажнике этанол медицинский.

Ноги быстрее головы сработали. Даже не знаю, что на меня нашло. Но, пригибаясь и вихляя пьяным зайцем, я сквозанул через лес и поляну к машине. Словно наработанные сто лет в обед рефлексy пробудились.

Показалось или на самом деле хлопки выстрелов и свист пролетающих мимо дротиков реже раздаваться стали? Будто обе стороны боевой пыл подрастеряли. Хотя мне такое только на руку. Пуля дура, дротик ещё дурней. Но им обоим, похоже, до моей дури сильно далеко.

К машине подскочил, багажник рывком открыл. Пару коробок в охапку и бегом назад. Только и успел заметить чуть позади машины и впрямь лежащее на земле тело: чёрная кожанка, джинсы тоже чёрные, бритая башка. Гопник какой-то, как ёжик иголками, весь утыканный дротиками. Даже из затылка оперение торчит. Ну да, однозначно, там уже некого спасать. Не обманул меня вождь краснокожих.

Вернулся практически одновременно с подоспевшим Гойто. Коробки наземь свалил и сумку у бойца выхватил.

Что тут входит в местную аптечку?

Какие-то пузырьки, пакетики с чем-то шуршащим внутри. Это всё пока побоку. Экспериментов нам не надо. А вот рулончики бинтов из непривычно-плотной и сероватой ткани пригодятся. Лишь бы чистыми оказались и достаточно длинными.

Ладно, вперёд и с песнями!

Куски изрезанной куртки прочь, рубаху пока рядом положим. Усадил верзилу, приподняв мощный торс за подмышки. Гойто уже усвистал куда-то. Так что пришлось просить деда-фаталиста придержать раненого за вытянутые вперёд руки, чтобы этот бугай не заваливался ни вбок, ни назад. А то ведь надорвёшься, ворочая такую тушу каждый раз. Лишь бы парень от шока болевого не загнулся, пока я его пользую.

Вот тут я, кстати, озадачился всерьёз. С одной стороны, есть в коробках карпулы с анестетиками. Самих шприцов карпульных нет, но есть упаковка простых одноразовых двушек. При желании можно и в них ультракаин набрать и вколоть больному. Пусть не блокаду, но хотя бы инфильтрашку вокруг дыр в спине наколоть, хоть немного раны обезболив.

Но с другой стороны, хрен его знает, как организм этого якобы иномирянина на анестезию отреагирует. Вдруг шок анафилактический. Я ж его не откачаю в таких условиях.

Впрочем, семь бед — один ответ. Парня, один чёрт, списали уже со счетов.

Рискнул и всё же обколол его худо-бедно обезболивающим. Только прежде изорвал рубаху на куски и, смачивая их спиртом, обработал торопливо кожу вокруг ран. Только идиоты льют всё что ни попадя на сами повреждённые ткани.

Теперь можно было и повязки накладывать, да поторапливаться. Ибо дедок уже терпение терять начал и взгляды на меня один сердитее другого кидать принялся.

Сколько провозился со всеми манипуляциями, даже не знаю, не засекал. Но где-то ближе к концу моей медицинской самодеятельности мимо нас протопало, устремляясь на передовую, с десятков громко пыхтящих воинов. Видимо, та самая обещанная подмога.

Поприветствовали кивнувшего им в ответ деда да отправились воевать с так и неведомым мне врагом. Ну и сам дед тоже, едва я его за помощь поблагодарил, метнулся прочь, только я его и видел.

Да и леший с ним. Можно и своей раной спокойно заняться, обработав, так сказать, во избежание.

Как же это все-таки странно. Категорически отказывался мозг верить в какие-то трансгрейдеры, способные перемещать тебя в иной мир, причем вместе с машиной. Теория загробного мира или комы кажется более вероятной. Может быть, и болевые ощущения как-то объяснимы. Не знаю, как. Я все же не ученый. Да и к медицине давно имею весьма посредственное отношение.

Ну да, учился в своё время в медицинском, в армии санинструктором был и даже после немного на скорой поработал. Однако мой альтруистический порыв очень быстро сошёл на нет, наткнувшись на материально-бытовые препоны.

Потому и переквалифицировался в медпреды. Работал я теперь на одну большую фармакологическую кампанию, представляя её интересы в нашем регионе. И разъясняя своим бывшим коллегам в больницах, поликлиниках и аптеках преимущества средств и препаратов, произведённых именно нашей компанией.

Неплохая белая зарплата, соцпакет, компенсация расходов на бензин — красота. График, пусть и не совсем свободный, но вполне позволяющий ещё малость дополнительно подзаработать. Например, у того же Марата. Всего-то и нужно, заскочив с утра на аптечный склад, быстренько развести по точкам заказы. Эти же точки, на крайний случай, можно и в отчётах указать, типа побывал там по основной профе. Лишь бы они в нужных районах оказались. И главное, получить на лапу наичернейший налик без всяких налоговых вычетов. До обеда все дела переделал и свободен, как ветер. Хочешь, домой езжай, хочешь — по подругам. Красота, одним словом.

Была.

Прав оказался Марат, нужно было пораньше выехать. Хотя бы минут на пять раньше это место проскочил, и всё иначе сложилось бы. Или позже. А теперь сиди, гадай — реально всё происходящее с тобой или нет.

Но, даже если моё попаданство всего лишь бессознательный бред, не стоит, наверное, превращать его ещё и в кошмар. Нужно наладить контакт с местным населением, не вступая с ним в конфронтацию, стать полезным. Обеспечить себе комфортное существование, особо не выпендриваясь и больше не геройствуя, как придурковатые персонажи фантастических книжек. Сам не пойму, на кой чёрт я к машине бегал-рисковал. Мне ведь и макушки разодранной должно было хватить для полноты ощущений и понимания правил игры. Оставалось лишь эти правила принять и неукоснительно им следовать. Ну да, не сильно я умею правила соблюдать. Но тут-то это уже вопрос выживания.

Надеюсь, расчет окажется верным и мои потуги по оказанию первой помощи раненому будут все же расценены положительно. Даже если и окончатся плачевным результатом. И так же положительно скажутся на отношении ко мне.

По крайней мере, пока ярко выраженного негатива по отношению к себе я у красномордых не выявил. По-моему, им на меня вообще было глубоко положить. Носились мимо с какой-то суровой решительностью и особого внимания не обращали.

Только всё тот же дед подошёл и словно нехотя проинформировал меня:

— Всё, отогнали супостатов. Сейчас лошадей приведём, колесницу твою подцепим и отбуксируем.

— Куда? — невольно поинтересовался я.

— Ясное дело, сначала в станицу, а опосля к Дозначику Коронному, в город, стало быть. Указ Герцога однозначно велит таких, как ты, незамедлительно в Управу отправлять. Вместе со всем имуществом. Посколь всякие штуки, как и знания иномирские, строго запрещены к распространению без ведома Комитета. За тем специальный лорд-куратор пригляд ведёт.

Ну, в принципе, логично. Правда, есть закавыка одна... Хотя в словах деда и не чувствовалось какой-либо угрозы, видя его чрезмерно ровное ко всему отношение, вряд ли можно было с полной уверенностью рассчитывать на безопасность предстоящей встречи. Смутная тревога и беспокойство всё же присутствовали во мне. Мало ли какое отношение тут к попандцам, раз их знания тайной являются. Может, имущество конфискуют, а самого меня в казематы или на опыты в лаборатории отправят.

Но не пускаться же в бега из-за подобных подозрений. Тем более, у меня и не получится. Слишком много вокруг вооружённого народу, наверняка, неплохо стреляющего и жизни, тем более чужие, особо не ценящего. Таких лучше не провоцировать. А то ведь и до дозначика этого можно не доехать. Пристрелят всё с такими же индифферентными рожами и глазом не моргнут.

— Нужно тогда руль заблокировать, — нарочито неспешно поднялся я с травы, — иначе замучаетесь буксировать. Точно всех врагов отогнали?

— Точно. Кого отогнали, — на морщинистой физиономии обозначилась едва заметная довольная, как мне показалось, ухмылка, — кого подстрелили. Всех, кого нашли, на деревьях развесили, чтоб другим неповадно было.

— И раненых что ли?

— А то, — кивнул дед. И от его спокойствия мне таки стало малость не по себе. Прав я, не стоило становиться поперёк дороги этим товарищам.

— Ладно, — выдал я из себя, поднимая с земли немного разорённые коробки и демонстрируя их старику, — пойду в машину отнесу. Вы бы, дедуля, бойца своего тоже к машине отнесли да на заднем сидении уложили. Поездка верхом ему сейчас противопоказана.

Не дождавшись никакой реакции на свои слова, я направился к своему бедному искалеченному автомобилю. Сердце кровью обливалось при виде всех вмятин и царапин.

Собрался было запихать коробки в оставшийся открытым багажник, но внезапно обнаружил, что место уже занято. Кто-то из красномордых орков подсуелся, подобрав с поляны и аккуратно уложив в позу новорождённого труп моего соотечественника. Видимо, его тоже следовало доставить к дозначику.

Что ж, поставил коробки в салон на переднее сиденье. После чего, подумав, решил всё же прикрыть багажник. Не то, чтобы вид покойника сильно меня напрягал, но мне показалось, так будет более уважительно по отношению к погибшему, пусть и неизвестному, земляку.

Вернулся к багажнику и остановился в нерешительности. Только сейчас заметил, что над мёртвым телом зависло непонятное, как будто бы дымное, облако. Буроватого оттенка, совершенно бесформенное, но почему-то создающее ощущение бесспорной привязанности непосредственно к личности покойника. Словно его дух отказался улетать на небеса, но не смог толком оформиться в нормальное привидение, такое, каким мы привыкли его представлять.

Нет, оно не тянулось ко мне и не пыталось что-либо поведать, но я абсолютно был уверен — это душа лысого гопника, не успевшая полностью с ним распрощаться.

— Я действительно это вижу? — обернувшись на звук шагов, обратился я к подошедшему деду.

— Думаю, да, — все так же спокойно кивнул тот в ответ, словно наличие в этом мире привидений вполне обыденное явление. — Пока что видишь. Потому тебя и повезут к дозначику.

Глава 3

Дольше всего я провозился с верёвками, пытаюсь зацепить их так, чтобы машина не рыскала из стороны в сторону при транспортировке. Штатная петля тут не прокатывала, ибо сбоку была. Пришлось изобретать и плести буксировочный такелаж. Причём такой, чтобы ещё и коням, вынужденным волоочь машину, ноги не покалечила. Еле справился. Хорошо, хоть не торопил никто.

Путь в станицу какое-то время шёл, к счастью для буксировщиков, через редколесье, потом по краю зеленеющего свежей порослью луга. И наконец, по неширокой грунтовой дороге, долго вихляющей между обширными полями, явно засеянными какими-то сельскохозяйственными культурами.

Раненого Митиано пристроили на переднем пассажирском сидении, до упора отодвинутым и максимально откинутым назад. По-другому этот здоровяк никак в машину не помещался. Меня же вначале усадили на коня, но после того, как пришлось раз сто слезать с этой милой животины и помогать протискивать буксируемый автомобиль между кустами и деревьями... В общем, как только наша кавалькада выбралась из леса, я плюнул на все прелести верховой езды и спрятался в машине.

Сказал, что пойду присмотрю за раненым. Водительское сидение я занял переставленными туда коробками, а сам обустроился на заднем диванчике по соседству с громко храпящей головой орка. Это дед напоил его каким-то сонным снадобьем из своей аптечки, едва удалось привести парня в сознание. Ну и правильно. Так и ему лучше, и нам спокойнее. Оставалось лишь волноваться за продолжающие подкрадываться раны, но в условиях транспортировки я вроде ничего больше сделать не мог.

Зато у меня появилась возможность рассмотреть подобранное на поляне оружие красно-мордого воина. Оказалось, я ошибся, приняв это ружьё за духовое. Рычаг, взводящий курок, вовсе не нагнетал воздух, а посредством кучи каких-то шестерёнок и мелких рычажков сжимал мощную пружину. Заодно запуская в казённый дротик из самого настоящего магазина. Единственно, тот присобачивался к этому самострелу не снизу, как у нормального автомата, а сбоку. А вот отстёгивалась плоская жестяная коробочка вполне привычно. Прямо как на родном калаше. Нажал на рычажок, и ёмкость для нескольких дротинов у тебя в руке.

Сам оригинальный снаряд длиной был всего с десятков сантиметров. Из них половина приходилась на еле обозначенный хвостовик. Вонзиться в тело раненого парня глубоко дротикам помешала прочная кожа куртки. Да и спина у орка просто бугрилась мышцами. Так что, увязнув в мясе, эти железяки сильно ему повредить не должны были. Может, и выживет бедолага. Должен же быть в его станице какой-то врач. Кто-то ведь лечит этих громил. Чихающими их, конечно, очень трудно представить — как-то не вяжутся такие здоровяки с банальной простудой. Но ведь бытовые травмы и боевые раны просто обязаны присутствовать в их жизни.

Кстати, парень-то, и вправду, взбледнул не по-детски. Даже я заметил уже. Дорога ведь не очень ровной была, и Митиано частенько болтало, даже несмотря на неплохую подвеску машины. И постоянно при этом растревоживало раны. Не приходилось сомневаться — без переливания крови все мои усилия вскоре пойдут псу под хвост. Другое дело, кого тут использовать в качестве донора, если в отряде нет близкого родственника бедолаги? И как процедуру осуществить без необходимого оборудования?

Моё обращение с подобным вопросом к старому орку закончилось его вытаращенными глазами и активным мотанием головой, явно обозначающим крайне отрицательное отношение к дурацкой идее. Впрочем, я и сам терзался сомнениями на этот счёт. И весьма немалыми.

Положим, я готов поделиться с раненым кровью. Но какова вероятность того, что не наврежу ему ещё больше? Наша кровь может оказаться несовместимой.

Ладно, для людей я, со своей первой группой крови, универсальный донор. Но тут-то иномирское существо, человеком, возможно, и не являющееся. А ведь ещё есть возможность

наличия какой-нибудь заразы у меня в крови, которая может стать непереносимой для ослабевшего организма раненого.

Да и саму процедуру придётся осуществлять всё теми же шприцами-двушками. Значит, колоть придётся несколько раз и можно занести дополнительную инфекцию. В общем, принцип «не навреди» сильно рисковал быть нарушенным.

С другой стороны, стоило учесть, что без переливания больной может и вовсе не перенести остаток дороги. Тем более, отряд не мчал домой со всех ног, а двигался довольно неспешно.

Я выбрал наименьшее, на мой взгляд, зло. В процессе манипуляций, правда, сделав для себя однозначный вывод: переливание крови одноразовыми шприцами в условиях транспортировки больного по неровной дороге — это то ещё удовольствие и полная ерунда. К тому же я, похоже, устроил неплохой шок-контент для приятелей пациента.

После того, как, заглянув в окно, красномордый дедуля отвалил с выражением полного обалдения на вытянувшемся в полтора раза лице, наверное, весь отряд, подъезжая по очереди, не отказал себе в удовольствии посмотреть на мои нелепые старания не дать сдохнуть их безмятежно храпящему товарищу.

Остановился я, лишь когда у самого перед глазами всё поплыло и закружилось. Остаток пути мне было совершенно по барабану, как долго, куда и зачем меня везут. Я навалился на дверцу и благополучно уснул, убаюканный плавным покачиванием неторопливо буксируемой машины.

Проснулся от настойчивого стука по стеклу. Дед будил меня, оповещая о прибытии в станицу. Точнее даже, к мощным воротам в высоком деревянном заборе, за которым, как выяснилось, находилось семейное гнездовье Митиано — бревенчатый сруб, обозвать который избой язык не поворачивался. Скорее, это можно было назвать теремом. Добротно сложенное здание в два этажа и ещё несколько хозяйственных пристроек.

Неплохо живут эти красномордые. Если только, конечно, жилища у остальных такие же. А то, может, это местных кулаков резиденция, а все прочие жители в халупах-развалюшках ютятся и прозябают.

Но нет, после того как я помог вытащить из машины и занести в дом раненого, с чистой совестью передав его родственникам, а те отправили шибутного босоногого мальчика за бабкой-знахаркой, наша конная процессия отправилась дальше. И я сумел убедиться, что в станице народ живёт не бедствуя, а вполне себе даже припеваючи. Правда, чтобы понять это, пришлось вновь пересесть на коня. Потому как высокие деревянные заборы, огораживающие все до одного участка, не давали ничего рассмотреть из окон автомобиля.

К тому же желание сидеть в машине у меня напрочь отбивал сильный запах крови, набежавшей из Митиано и испортившей салон. Отмывать всё это бесполезно. Только выбрасывать. Причём вместе с машиной. Мы ж не зря её на буксире тащили. Бензобак и впрямь оказался пробитым, и потеря горючего не оставляла другого выбора. Смогут ли местные умельцы залатать дыру, и найду ли я потом подходящее топливо — не известно. Но почему-то казалось, что вряд ли. Бензоколонкой в станице даже и не пахло.

— С возвращением вас, храбрые воины! — гостеприимно распахнув объятия, весьма пафосно поприветствовал нас пожилой и довольно полный человек. Стоял он на высоком резном крыльце такого же, как и все здесь, деревянного особняка, до которого мы, проехав практически через всё поселение, наконец-то добрались.

Забавный типчик. Лет за пятьдесят, немного взлохмаченная тёмная шевелюра, распахнутый и гордо демонстрирующий солидное пузо длинный зелёный камзол поверх белой сорочки, расстёгнутой чуть ли не до пупа. Короткие тёмно-коричневые бриджи. Высокие светлые гетры и кожаные тупоносые туфли с большими блестящими металлическими пряжками вместо шнурков.

Удостовериться в том, что это обычный человек, удалось, лишь поднявшись на крыльцо вслед за старым орком. Хотя и была рожа этого радостно встречающего нас товарища почти такой же красной, как у деда, но относительно невысокий рост, нормальные ровные зубы и вполне привычные черты лица однозначно указывали на принадлежность индивидуума к человеческой породе. А краснота кожи, скорее всего, являлась следствием неумеренного потребления горячительных напитков. Встретившим нас амбре легко можно было сбить с ног подошедшего слишком близко и неготового к перегарной атаке собеседника.

Но дед, видимо, к такому был привычен. Да и меня подобным не удивить. Тот же Марат бывало «радовал» периодическими запоями с последующим стремлением пообщаться по душам. Так что радостные объятия встречающего были нами приняты, хоть и без энтузиазма, но вполне спокойно.

— Кого ты мне привёл, Трунио? — вдоволь наобнимавшись и радостно пялясь на меня, поинтересовался излучающий счастье человек у хмурого деда. Вот оно как оказывается. Трунио. А я до сих пор так и не узнал, как зовут старика. Да и он особо не стремился к знакомству. — И что за странную колесницу вы с собой приволокли?

— А это, господин комиссар, самый что ни на есть попаданец, — отчитался дед. — Наш разъезд шайку луннитов обнаружил. И в самый разгар боя портал открылся. Вот доставили одного, значится, дабы в Управу свезти. Второй погиб.

— Очень хорошо, — не прекращая лыбиться, заявил толстяк. — В том смысле, что лишь один погиб. А то могли бы и оба. А так всего один.

— Отряд мятежников ликвидирован, — продолжил свой доклад старик. — Часть убита, часть, согласно приказу, казнена на месте. За теми, кто смог сбежать, отправлены пластуны-следопыты. Среди газагов потерь нет. Раненный Митиано доставлен в станицу.

— Очень хорошо, — покивал довольный комиссар. — Я напишу и канцлеру, и лорд-куратору рапорты о ваших доблестных действиях. Разрешите представиться, — слегка поклонился мне толстяк. — Волостной комиссар Валяй Бронев. Направлен в этот приграничный район для организации противодействия враждебным элементам силами военной милиции, созданной на основе местных поселений орков-газагов. А также решения других административно-правовых вопросов.

Комиссар забавно шаркнул ножкой и щёлкнул каблуком о каблук, а я, выслушав длинную тираду, удивлённо отметил про себя, что был прав, и красномордые здоровяки — это действительно, мать их, орки.

Что ж, успокоив волнение и из вежливости слегка склонив голову, представился в ответ:

— Владислав Штольц.

— М-м-м-м, — многозначительно протянул, выпятив губы, толстяк. — Думаю, барон Штольц будет рад встретиться со своим вариативным родственником. Обязательно поспособствую вашей встрече. Ты можешь быть свободен, — благосклонно, взмахнув пухлой ручкой, отпустил комиссар старого орка. — А вас, Штольц, я попросил бы остаться.

Точно! А я-то думал, кого он мне напоминает! Весь из себя добродушный простачок — рот до ушей и душа нараспашку. А глаза-то так и буравят, пытаюсь прозондировать всю мою подноготную. Этот местный Мюллер, наверняка, совмещает в посёлке функции администратора, надсмотрщика-особиста и контрразведчика.

— Никак не могу вам отказать, — развёл я руками. А куда мне было деваться? — Скажите, как я могу к вам обращаться?

— Ко мне, господин Штольц, можно обращаться просто «комиссар». Я человек простого звания и знатным происхождением похвастаться не могу. А потому и выкать мне, одновременно обращаясь ко всему роду, нет необходимости.

— Обязательно учту, — сделав рожу кирпичом, слегка кивнул я в ответ. Распространяться о своей безродности не стал. Мнимая близость с какими-то там баронами может в буду-

щем сыграть мне на руку. Я же не обманываю, присваивая себе чужие заслуги. Да и в чём тут, собственно, заслуги? Родителей не выбирают, это больше вопрос везения.

Толстяк между тем спустился с крыльца и подошёл к машине.

— Какая интересная колесница, — обернулся ко мне, — не видно никаких агрегатов и механизмов. Ваша?

— Моя, личная, — кивнул я, тоже спускаясь по ступеням и направляясь к комиссару. — Совсем новая была. Недавно приобрёл. И вот такое безобразие.

Я развёл руками, а «Мюллер», состроив сострадательную физиономию, покачал головой:

— Да-да-да. Понимаю вас. Дорогая, небось, колесница-то. А где ваш спутник?

— Здесь. — Шагнув к багажнику, я приподнял крышку и продемонстрировал комиссару покойного соотечественника.

— Угу, угу, — кивнул тот. — Ваш механик? — поинтересовался, вытянув шею и с интересом осматривая труп.

— Нет, — без всякой задней мысли мотнул я головой. — Случайный попутчик.

— Ну да, ну да, — улыбнулся толстяк, всем своим видом показывая, что понимает мой сарказм, вызванный глупым вопросом. Видимо, посчитал, что каждый владелец такого дорогого девайса обязан иметь своего механика-водителя. Ну и ладно.

— Что ж, скоро вечереть начнёт, — комиссар указал рукой на небо, где солнце готовилось завалиться за верхушки леса, темнеющего вдаль. — Я предлагаю остаться на ночь здесь, дабы передохнуть с дороги. На вас, я гляжу, прямо-таки лица нет.

— С удовольствием приму ваше приглашение, — не стал я «тыкать» толстяку, несмотря на его разрешение. От меня не убудет, а ему, может, приятное сделаю.

Комиссар широким жестом распахнул перед моим носом дверь в дом и приглашающе повёл руками:

— Проходите, любезный Штольц, будьте моим гостем.

Внутри бревенчатые стены терема оказались выбелены, что вкупе со множеством высоких узких окон делало просторное помещение довольно светлым. Посреди гостиного зала, куда нас проводили, стоял большой массивный стол в окружении не менее массивных и грубо сколоченных стульев. В центре стола сиял нарезным узором большой хрустальный графин, на треть заполненный бордовой жидкостью. Рядом — несколько хрустальных же стаканов и какая-то мисочка, накрытая тканой салфеткой.

— Прошу к столу, — пригласил меня толстяк и, пока я сражался с тяжеленным стулом, отворил дверь в смежную комнату, громко крикнув: — Фимка, подавай ужин! Да два прибора неси. Гость у нас. Вы не будете против, — повернулся он ко мне, вытаскивая из-за пазухи записную книжку в кожаном переплёте, — если я пока-что ваши приметы для рапорта запишу? Тут и писать-то: расы человеческой, роста выше среднего, волосы тёмно-русые, глаза серо-голубые, лоб высокий, нос прямой. Особых примет не имеет. Фимка, ну где ты там уже?

Подоспевшая вскоре Фимка оказалась статной молодой орчанкой внушительных габаритов.

Облачённая в богато украшенное вышивкой и по фигуре приталенное платье в пол, с накинутым на плечи цветастым платком и с огненно-рыжими волосами, заплетёнными в толстую длинную косу, девушка являла собой удивительное зрелище. Красна девица, да и только. Ей бы ещё кокошник на голову да сверхкомплект зубов спилить. И даже румян не нужно, ибо красноты и так в избытке. Пропорции радуют глаз: высокая пышная грудь, изящная тонкая талия, полные крутые бёдра. Это бы всё ещё уменьшить раза в полтора...

— А?! — хлопнув ладонью по монументальному заду девицу, подмигнул мне комиссар. — Хороша красотка?!

— Угу, — кивнул я, на всякий случай чуть отстраняясь и ожидая, что в ответ на шлепок толстяк огребёт сейчас от зубастой «красотки» неслабую оплеуху.

Однако ожидания мои не были оправданы. Девушка, лишь снисходительно фыркнув, преспокойно разложила и расставила на столе принесённые приборы с посудой и гордо удалилась, плавно покачивая мощными бёдрами.

— А давайте-ка, любезный Штольц, — толстяк потянулся к графину, — по стаканчику за знакомство. Вы же не против? Для улучшения пищеварения, так сказать, и создания благодостной атмосферы.

— Почему бы и нет, уважаемый комиссар, — против я не был. Соревноваться в пьянстве с таким закалённым выпивохой, как этот Мюллер, я бы не стал, но немного расслабиться можно. Никаких государственных тайн я всё равно не выболтаю, ибо не знаю таковых. Можно не переживать.

Содержимое графина оказалось какой-то фруктовой или ягодной настойкой, очень даже приятной на вкус.

— А вот скажите, уважаемый, — после приговорённого стакана решился я задать давно волнующий меня вопрос, — если я действительно оказался в другом мире, почему я понимаю ваш язык. Да ладно человеческий, почему я орков ваших понимаю?

— Видимо, — комиссар почесал затылок и последним глотком опустошил свой стакан, — наши миры близко друг к другу расположены на ветвях многомирья. Вы знакомы с теорией поливариативного древа?

— Нет, — мотнул я головой. От выпитого на голодный желудок алкоголя приятное тепло разлилось по всему телу, а мысли в голове перестали нервно скакать и обрели какую-то плавность течения.

— Тогда ещё по одной, — безапелляционно заявил толстяк, вновь наполняя стаканы. — Представьте себе мироздание со множеством вариантов развития миров в виде дерева. Где от единого ствола, словно ветви, отделяются направившиеся по разным путям развития практически схожие миры. Где даже самое маломальское различие, в истории ли, географии ли, и даже экономике, приводит к очередному расщеплению ствола или ветви.

— Представил, — кивнул я, принимая наполненный стакан из рук комиссара.

— Отлично, — довольно улыбнулся тот. Вот наши миры разошлись где-то совсем недавно и очень близки друг к другу географически.

Ничего себе «близки»!

— А орки?! У нас таких и в помине нет. Только в сказках.

— А орки, как и многие другие, попали сюда через порталы. Самоназвание у этой расы иное. Однако кто-то из наших обозвал мимоходом, а оно так и прижилось. Орки и те привыкли. Они тут долго кочевали по миру и воевали со всеми подряд, но потом стали всё больше склоняться к мирной жизни и постоянному месту обитания. Вот и разговаривают теперь, кроме как на орочьем, ещё и на языках тех мест, где осели.

— Через этот ваш трансгрейдер попали? — этот вопрос меня больше волновал. Раз сюда попал не случайно, значит должен иметься способ вернуться обратно.

— Посредством схожих артефактов, только более мощных, — не стал меня разочаровывать комиссар.

— А как эта штука вообще работает?

— Хм, — толстяк сделал пару глотков вина, — если рассматривать мироздание как всё то же дерево, можно представить, что ветки далеко не всегда тянутся параллельно друг другу. Колыхаемые ветрами случайных перемен, они частенько сближаются, пересекаясь и соприкасаясь. Но тонкий слой защитной «коры» не даёт им срастаться и соединяться. Кроме того, каждая ветвь несёт в себе немного отличающийся заряд, как электрические провода. В вашем мире ведь знакомы с электричеством?

— А то! — кивнул я, неспешно потягивая сладковато-терпкий напиток.

— Вот трансгрейдер и усиливает разность зарядов соприкасающихся ветвей, пробивая их кору-защиту.

— Как при электросварке, — вроде как понимающе согласился я. — А почему я тогда вывалился не в том же месте, где в портал угодил?

— Искривление пространства, — прихлопнул ладонью по столу комиссар. — Вы же знаете, что пространство не линейно?

— Что-то слышал об этом, — нахмурил я с умным видом брови.

— Это только на гладком листе бумаги ближайшее расстояние между точками — прямая. А с помощью трансгрейдера можно пространство-лист смять и даже самые удалённые точки приблизить и совместить. Причём сдвиг может осуществляться не только по пространственным координатам, но и по временным. Трансгрейдер как бы слегка преобразует поля и материю, пробивая путь между мирами. И потому его ещё для простоты называют преобразователем.

— Круто, — согласился я и с удивлением уставился на пустой стакан. Когда я всё выпить-то успел?

— Фимка! — заорал мой учёный собутыльник во всю глотку. — Принеси ещё настойки!

Орчанка появилась с подносом, плотно заставленным какими-то блюдами. Поставила его на стол, забрала опустевший графин и развернулась, чтобы уйти. Длинная коса, мотыльнувшись, прищёпнула её по низу спины, а я подумал, что в принципе девушка вполне даже привлекательно смотрится в этом платье, отлично подчёркивающим выдающиеся, во всех смыслах, прелести.

Глава 4

Утро встретило не только яркими солнечными лучами, настойчиво пытающимися выжечь мне глаза прямо сквозь сомкнутые веки, но и жуткой головной болью, нещадно раскалывающей черепушку.

Надо же, новый день в новом мире, начинающийся с мерзкого похмелья. Сколько раз я об этом в книжках читал. Только в отличие от набивших оскомину однотипных литературных изысков, начало этой истории я помнил превосходно. Не то, чтобы это сильно меня радовало, но уж лучше так.

А вот окончание вечерней попойки выпало из памяти совершенно. Я вроде и старался пить в меру, памятуя о коварстве спец-агентов (а мой новый знакомец явно таковым и являлся) и их умении развязывать собеседникам языки по пьяни. Но, похоже, не учёл коварство самой настойки. Помню, что наш разговор по душам после третьего стакана перешёл в лёгкую форму допроса. Помню, что старался не сильно откровенничать. Но о чём под конец шла беседа, вот убей бог, не помню.

Помню ещё, что меня чуть не женили на Фимке, так игриво вертящей округлым задом перед самым моим носом...

Или всё-таки женили?! Иначе чем объяснить тот факт, что проскользнув в чуть приоткрытую дверь опочивальни, укутанная в простыню девица присела ко мне на край постели и, радостно сияя хищной улыбкой, сунула мне наполненный чем-то горячим стакан.

— На-ка, голубчик, испей, — шепнула она, приблизив к моему лицу пухлые губы, едва я, скрипя мозгами и суставами, еле приподнялся на локтях.

Звонко чмокнув меня в щёку, покрывшуюся за ночь колючей небритостью, орчанка скинула с плеч простыню и, сверкнув аппетитными прелестями, без всякого стеснения скользнула ко мне под одеяло.

Зашибись картошка с мясом! Я поперхнулся обжигающе-горячим напитком и от неожиданности чуть не выплеснул эту огненную лаву из стакана себе на грудь. Девица явно чувствовала себя в моей постели как у себя дома.

Еле устроив эмоции, я продолжил очень мелкими глотками вливать в себя это явно лечебное снадобье. Или зелье? Это же просто волшебный эликсир! Никакой рассол не в состоянии был тягаться с этим животворящим напитком.

С каждым глотком боль всё заметнее сдавала позиции, исчезая и уступая место бодрой силе, стремительно наполняющей тело. Ещё пара глотков, и я, позабыв о муках и сомнениях, уже с удовольствием приобнимал упругое тело орчанки, так и льнувшей ко мне под одеялом. Её шаловливые ручки уже всю гуляли по моему телу, куда только не забираясь и заставляя вздыбливаться от неодолимого желания всё моё радостно воспрянувшее естество.

— Ну как, голубчик, набрался сил? — проворковала эта зубастая зараза, поворачиваясь ко мне спиной, томно выгибаясь и прижимаясь к моему бедру роскошным упругим соблазнительным задом. И слава богу, что задом. Эта её улыбка пираньи всё же приводила меня в некоторое смущение и замешательство.

Уж не знаю, как я справлялся с этой бестией ночью, но поутру она ухайдакала меня так, словно я лет десять совсем не занимался спортом, а потом меня вдруг заставили сдавать нормы ГТО. Причём все сразу и без малейшего перерыва.

Когда Фимка ускользнула прочь со словами: «Идти надо» — я вздохнул с немалым облегчением. Потому как ещё немного, и моя постельная харизма окончательно сдулась бы, вынудив поднять белый флаг, позорно расписавшись в полном своём бессилии.

В кровати я тупо провалился ещё, наверное, с полчаса, прежде чем девица, громко постучав в дверь, заглянула в комнату вновь. Правда уже при полном параде. Принесла здоровенный кувшин с тёплой водой и полотенце. Предложила помочь умыться и сообщила, что завтрак скоро подадут. Словно не выматывала меня только что секс-марафоном. Вся из себя приличная и деловито-сосредоточенная. Хотя глаза у чертовки, я таки заметил, сверкали всё же хитрым и довольным блеском.

Ну и ладно. Раз делает вид, что ничего такого не произошло, так тому и быть. Нашим легче.

Голова болеть перестала. Одежду, вчера разбросанную где попало, я с грехом пополам отыскал и напялил на себя, примечая, что чувствую себя вполне бодрячком. И готов ступить в новый мир и будущее с высоко и гордо поднятой головой.

Наверное, это не выветрившийся до конца вчерашний алкоголь или же утреннее снадобье придавали моим мыслям излишний пафос. Какая голова?! Какое будущее?! Главной задачей любого попаданца прежде всего является выживание. Не завоевание мира и не улучшение его путём сраного прогрессорства, а тупое выживание и уже потом всё остальное по обстоятельствам.

В общем, будем жить, будем и с девками дружить.

Со второго этажа, где, как выяснилось, размещались практически все спальные комнаты, я неторопливо спустился в гостинный зал к уже поджидающему меня там Броневу.

— Приветствую вас, милостивый сударь, — привстал комиссар из-за стола и куртуазно повёл ручкой, — присаживайтесь. Присоединяйтесь к трапезе. Вот горячий взвар. Вот выпечка. Отведайте. Выпечка тут отменная. Понравится, скажу Фимке с собой вам собрать. В городе-то нигде такой не сыщете.

Я налил себе в кружку взвару. Попробовал. Вроде ничего. Смесь чая с компотом. Конечно, лучше бы крепкого кофейку, ну да ладно, и так пойдёт. Плюшки-ватрушки тоже съедобные вполне и даже вкусные.

Пока я приобщался к местной кулинарии, комиссар, водрузив локти на стол, поднятые ладони сцепил пальцами в замок и пристроил на них подбородок. Лицо при этом сделал умильно-добродушное:

— Вы уж не обессудьте, я так посижу. Вас не дождался, раньше позавтракал. Пусть, думаю, отдохнёт хороший человек, силы восстановит после всех перипетий да ночных игр.

Я второй раз за утро чуть не захлебнулся и настороженно уставился на толстяка.

— Да вы не переживайте, — поспешил он меня заверить, — урону вашей репутации никакого не будет. Кроме меня да вас с Фимкой в доме, почитай, никого и не было. А я о ваших шалостях никому не расскажу. Да и Фимка — девка с мозгами. Чего ей попусту трепаться?

Фимка-то, может, и не расскажет никому. А вот по поводу господина комиссара сомнения имелись. Если и не от излишней болтливости, то по служебной надобности вполне может и припомнить такой залёт.

— За Фимку тоже не беспокойтесь, — расцепив пальцы, успокаивающе махнул руками толстяк, — она девка свободная, незамужняя. Работает у меня давно и справно. В станице на хорошем счету, потому как себя блюдёт и с головой дружит. Это вот с вами оказия вышла. Узнала девка, что вы давеча братца её младшего от гибели спасли, вот и прониклась к вам. А тут и вы давай знаки внимания ей всяческие выказывать. Да вы жуйте, жуйте. Что же вы застыли с полным ртом. Ну подумашь, провели ночь весело. Кто ж по молодости не шалил? Пусть это между нами останется. Согласны?

Я кивнул. Ещё бы мне не быть согласным. Это что, он, паразит, на крючок меня типа насадил? Или действительно всё не так страшно, и я себя просто накручиваю?

— И по поводу детишек не волнуйтесь, — продолжил успокаивать меня комиссар. — Не бывает их от подобных увлечений. Слишком велика межрасовая разница. А иначе каких бы только полукровок по миру не бегало. Вот взять тех же орков для примера. Бывает, что женщины человеческие от взбалмошного безделья шашни с этими молодчиками заводят. А куда деваться? Стати да напористости у них, как есть, не отнять. Многие человеческие мужи могут лишь позавидовать оркам-то. Так что подобное, конечно же, обществом не поощряется, но и запретить пока никто не запрещает. А вот мужчины наши на орчанок особо и не смотрят. Ибо, сами понимаете, — толстяк наклонился ко мне, понизив голос до шёпота, — страшны и неуёмны.

Ну да. Если б я вчера не набрался, вряд ли решился бы на такой подвиг.

— Это вот только вы у нас герой, — словно прочитав мои мысли, продолжил комиссар и сам же от своей шутки захихикал, наигранно прикрывая рот ладошкой. — Не убоились и отважились. А впрочем, повеселились и полно, — он махнул рукой и посерьёзnel. — Не имею права вас упрекать. Вы доели? Пора нам уже собираться.

Я доел. Еле пропихнул в себя последнюю булку, часто запивая и почти не чувствуя вкуса. Всё гадал, встрял я в неприятности из-за своих ночных походов или нет. Ещё и Фимка родней Митианинской оказалась. А вдруг братцу не понравится, что я с его сестрицей замутил? Припрётся ещё на разборки. Вот мне это надо? Где ж мои мозги раньше были?

— А вы, сударь, интересный собеседник, должен вам заметить, — печально сообщил комиссар, — так много любопытного мне вчера поведали. Даже жаль будет с вами расставаться.

— Вот как? И о чём же я поведал? — снова здарсьте, дверь покрассьте. Это чего такого я ему наболтал?

— Бурная в вашем мире жизнь кипит. Реформы, революции, войны. Эпидемии непонятные. Карантин тот же и этот ваш «масочный режим». Чего у вас только там не понапридумывают. Подводные лодки, самолёты, космические корабли. Это ж надо, на луну слетать! При этом, религиозное мракобесие на каждом шагу, и неоправданные войны опять-таки...

— Угу, — кивнул я, — есть такое. Однако и вы воюете. Вон, с луннитами какими-то. Вы мне лучше скажите, что там за способности у меня каких-то приведений видеть?

— Так вы уже спрашивали вчера. Не помните? Ну да ладно, ещё раз по пути расскажу. Мне не трудно. Пойдёмте, нам действительно пора в дорогу. С Фимкой-то будете прощаться?

Я отрицательно мотнул головой. Нет уж, увольте. Если есть возможность, лучше избежать неловкости.

Впрочем, Фимку я всё равно ещё увидел, когда она прискакала с корзиной, наполненной какой-то провизией. Мы с комиссаром уже из двора выезжали на открытой коляске, запряжённой двумя лошадьми. Следом за нами другая конная пара, управляемая молодым орком, буксировала мой покалеченный драндулет. А тут красotka эта нарисовалась. Пришлось обнимать девицу, звонко целовать в щёку и прощаться до новой встречи. Искренне надеюсь, что таковая не случится.

Чтобы поскорее отвлечься, я насел с расспросами на комиссара. И, пока наша коляска тряслась по просёлочной дороге, выяснил кучу занятных вещей. В том числе и про свою новую способность.

Начать следовало с того, что в политическом конгломерате, к которому принадлежало Селябское герцогство, не сильно жаловали религию. Не в моде была вера в чудеса. И всё сверхъестественное полагалось считать не магией, а непознанными пока наукой феноменами. И, соответственно, то, что я привычно называл душой, местные именовали тонкой оболочкой или информационно-биологическим полем.

Считалось также, что свои поля имеют все существа и растения, а также планеты и светила. Существовало ещё поле всемирное, объединяющее поля галактик и даже всех поливариативных миров. Эдакий вариант высшего вселенского разума.

Так вот моя тонкая оболочка-поле при переходе в этот мир вроде как не состыковалась ещё с общим полем планеты. И до тех пор, пока не произойдёт адаптация, у меня имелась редкостная возможность как-то контактировать с покойниками. Точнее, с их полями, не успевшими полностью оторваться от брэнного тела и раствориться во вселенной.

Такой способностью, присущей лишь попаданцам да буквально нескольким специалистам-медиумам, с радостью пользовались местные правоохранительные органы. Поэтому, хотел того попаданец или нет, его тут-же ставили на учёт и припахивали к расследованию самых громких и политически значимых преступлений. Впрочем, и для ведения обычных криминальных дел такая помощь не была лишней.

Учитывая, что иномирцы не так уж и часто осчастливливали местных граждан своим появлением, специалисты по общению с мертвецами были, что называется, нарасхват, а то и на вес золота. И, раз уж прогрессорство попадало под строгий запрет, для любого правителя великой удачей считалось занять не успевшего адаптироваться попаданца хотя бы в штат своих сыскарей. Даже несмотря на то, что сверхспособности сохранялись у них по-разному, от нескольких лет до всего лишь нескольких месяцев.

Тем не менее новый специалист сразу же обеспечивался жильём, хорошим жалованием и обзаводился репутацией весьма полезного члена общества. Так что противиться предстоящей встрече с каким-то Коронным Дозначиком смысла не имелось. Не самая плохая перспектива.

Тем более, как я понял, с трансгрейдерами дело тут обстояло не очень. Мало их было в этом мире. Всего пара штук, да и те в ведении не самых близких и дружественно настроенных государств, в которые меня вряд ли кто отпустит. Ещё считалось, что несколько преобразователей может находиться во владении лиц, не стремящихся к огласке и использующих девайсы нелегально в целях контрабанды ценностей и технологий.

Не знаю, правда это была или просто комиссар по ушам чесал, чтоб я сильно не дёргался, но главная загвоздка, один чёрт, в другом состояла: даже если мне посчастливится отыскать трансгрейдер, не факт, что поиск родного мира окажется быстрым. Без знания точных координат перемещения такое мероприятие может не то, что на месяцы, а вообще на годы растянуться. Вряд ли кто-то из владельцев согласится на подобную эксплуатацию дорогого и редкого приспособления – а ну как сломается.

Так что куковать мне в этом мире неопределённое количество лет. Оставалось смириться с этим и постараться покомфортнее обустроиться. В принципе, за самого себя я как раз не

сильно переживал. Я человек не особо привередливый. Где упал, как говорится, там и Родина, а где проснулся, там и дом родной.

Я больше переживал за родителей и сына. Жена-то бывшая, прознав о моей пропаже, может даже и перекрестится на радостях. А вот предки и сынулька волноваться будут. И ведь не сообщишь им никак, не успокоишь. Ладно хоть, с машиной перенёсся. А то, представляю, что было бы, обнаружь кто моё авто без водителя.

Кстати, автомобиль, после изучения и описания, мне обещали вернуть. Надо будет разобрать его на запчасти. Амортизаторы, вот, пригодятся. Здесь пока до подобного не додумались. На той же коляске, в которой мы ехали, пружинные рессоры использовались вовсю. Но всё равно, даже на несильно корявой дороге трясло и укачивало нас изрядно.

Зато движок можно в лом сдавать. Не принято здесь нефть в бензин перегонять. Тут и от керосина-то начали отказываться потихоньку с тех пор, как электрическое освещение появилось. Зато генератор нужно будет забрать. И аккумулятор тоже. У них здесь, оказывается, на каждый дом своя электростанция. А для выработки тока используются пружинно-маятниковые механизмы. Неясно пока, что они из себя представляют, но со временем, наверное, разберусь.

Я так понял, что до парогенераторов и паровых двигателей местные Кулибины уже додумались, но их внедрение пока что идёт туговато. В ходу больше механические конструкции. Но Селябское герцогство, как оказалось, благодаря своему правителю, одно из самых передовых в мире и движется в светлое, хоть и задымлённое, будущее. Причём, по словам комиссара, широкими шагами.

Мужик, кстати, довольно неплохим рассказчиком оказался. Окунул меня в местные реалии весьма умело. Ехали мы спокойно, так, чтоб конно-автомобильная сцепка за нами поспевала. Потому наговориться общительный толстяк успел вволю.

Самое главное, что я понял из его объяснений: географически я переместился совсем недалеко. По-прежнему находился где-то в границах Челябинской области, чуть восточнее Уральских гор, которые тут, правда, именуются Каменным Хребтом. Селябское герцогство являлось самым юго-восточным государством, входящим в Западный Союз, образованный по принципу «монархической конфедерации».

А ещё комиссар любезно поведал мне, что, кроме людей и орков, здесь можно ещё встретить эльфов и гоблинов. И ещё добавил, что мне крайне повезло. Потому как, попади я при переходе в посёлок не орков, а гоблинов, мои ночные развлечения могли оказаться куда более забавными.

Вот ведь гад. А я только ведь начал считать его славным малым.

Глава 5

— А это вот, посмотрите, самый последний проект Герцога Селябского, — комиссар, махнув рукой, указал на реку, показавшуюся вдалеке справа от дороги. А если точнее, туда, где на противоположном берегу копошилась куча народу. — Там будет возведена дамба и установлены водонапорные электрогенераторы. Это позволит...

— Да-да, я в курсе. Такая станция может обеспечить электричеством целый город.

— Знакомы с этой технологией? — мгновенно заинтересовался толстяк, не обратив внимание на то, что я его нагло перебил.

— Очень отдалённо! — активно замотал я головой. Не хватало ещё, чтоб меня на стройке припахали. Да и чем я там помочь смогу? Все знания в пределах школьной программы, которую я уже наполовину забыл. Лучше с мертвяками разговаривать, дозначику помогая. Работа не пыльная, и положение в обществе какое-никакое. — А что, тепловую станцию с парогенератором не пробовали сделать? Уголь в области есть. Вода есть. Паровую турбину соорудили и вперёд.

— А говорите, отдалённо, — поднял бровки домиком комиссар. — Угадали. Уже построено две пробные котельные. Одна снабжает электричеством дворец, другая — новый механический завод.

— Смотрю, вы времени зря не теряете, — покивал я головой. — Молодцы. До города, я так понимаю, всего ничего осталось?

— Совершенно верно. Уже через полчаса я познакомлю вас с вашим будущим начальником и его юной очаровательной супругой. Проживать первое время, думаю, у них будете. Так что, зная ваш темперамент и склонность к ночным приключениям, хочу предупредить, — толстяк широко улыбнулся и хитро мне подмигнул, — вы уж там поскромнее как-нибудь. Князь весьма ревнив.

Что ж он, зараза такая, каждый раз меня подкладывает будет?

— Ну, тут уж как пойдёт, — как можно добродушнее улыбнулся я в ответ. В подобных случаях лучше своё смущение с раздражением оппоненту не выказывать. Пусть думает, что мне пофиг. — Если дама действительно хороша, зачем отказывать себе в удовольствии?

Тут господин комиссар и сам малость взбледнул:

— Вот это вы, голубчик, зря. Эдакий конфуз ни князю, ни вам не нужен. Не дай Всевышний, дойдёт до дуэли, а они в герцогстве под запретом строжайшим. Зачем же одному помирать, а другому на каторгу отправляться?

— Ладно-ладно, не волнуйтесь вы так, — на каторгу я не хотел, помирать тоже не собирался. — Что ж мы, дикие? Можно ведь и просто морды друг другу набить. Разберёмся уж как-нибудь без дуэли.

Комиссар недовольно хмыкнул, но промолчал, не решившись развивать тему дальше.

Вскоре и вправду потянулись вдоль дороги пригородные домишки с невысокими деревянными заборчиками, огораживающими аккуратные цветники-палисадники. И никаких тебе глухих заборов в человеческий рост с кучами разного хлама перед ними. Всё чинно и благородно. А главное, чисто.

Дорога сменилась на мощёную, став более ровной, но не менее трясучей. Ещё пара километров, и по обеим сторонам улицы появились более крупные строения. Кирпичные, в два — три этажа, сильно вытянутые в длину многоквартирные дома для среднего класса.

А вот это уже интересно! На встречу нам катил по мостовой очень необычный самоходный аппарат. Словно в несколько раз увеличенный трёхколёсный велосипед, на который позади водителя присобачили ещё пару мест для пассажиров. Однако водитель, довольно крупный детина, никаких педалей не крутил и даже не нажимал. Сидел себе преспокойненько в кресле, придерживая наклонную баранку, диаметром раза в полтора превосходящую привычный мне руль.

Скорость водитель регулировал с помощью рычага навроде ручного тормоза. Никакого лобового стекла, никаких стенок и дверей. Всё открыто для любопытных взглядов и ветров. Только над пассажирскими сидениями небольшой навес-козырёк. Ну а водителю даже такая защита не полагалась.

В движение эта странная колымага приводилась здоровенным агрегатом, находящимся позади всей конструкции и запрятанным под кожух. Сам агрегат комиссар обозвал «пружинным движителем механической колесницы». И, как я понял, чтобы поехать, требовалось вначале вручную, с помощью торчащей сбоку крутящейся рукояти, взвести возвратную пружину, чем, собственно, и обязан был заниматься обслуживающий технику механик-водитель. Ещё и в пути мог поупражняться, если завод раньше времени заканчивался. Как я понял, даже несмотря на облегчающую задачу хитро-сложную систему шестерёнок, силушку для подобной работы явно требовалось иметь немалую.

Что ж, ясно теперь, почему инспектор принял за механика моего погибшего соотечественника, так, кстати, и путешествовавшего вместе с нами в багажнике, наполненном ещё с вечера колотым льдом.

Подобных забавных колесниц в городе было мало. Как головой ни крутил, всего шесть штук насчитал. Слишком дорогое удовольствие — содержать такую игрушку. Остальной транспортный поток составляли всякие разные конные экипажи. От безудержно навороченных и богато разукрашенных карет, с запряжёнными в них парами и даже четвёрками лошадей, до самых обычных, с бортами из необструганных жердин, убогих телег, еле влекомых понурыми клычками, с трудом переставляющими ноги.

Всё это вразнобой двигалось по широким улицам без всякой регулировки, напоминая Вавилонское столпотворение. Какие уж там светофоры и дорожные знаки — тут даже о помехе справа никто слыхом не слыхивал. Комиссар, управляя лошадьми, просто каким-то чудом умудрялся не столкнуться с другими участниками этого хаотичного движения или не наехать на пешеходов, иногда так и норовивших сунуться под колёса повозки.

Мы несколько раз свернули. Пошли кварталы, застроенные типовыми кирпичными пятиэтажками. Впрочем, ближе к центру вновь выехали на улицы с малоэтажными строениями. Только это уже были не бедняцкие домишки, а вполне солидные особняки из кирпича, а то и обтёсанного гранита.

Далеко впереди улица, по которой катился наш экипаж, заканчивалась архитектурной доминантой герцогского дворца, хвастливо упирающегося в небо множеством островерхих башенок. Рассмотреть поподробнее всё это великолепие я не успел — комиссар свернул в очередной проулок и через пару домов остановил лошадей.

Что я там говорил про набитую морду? Заработать фонари под глазами и лишиться пары зубов, скорее всего, светило именно мне. Встретивший нас возле красивого двухэтажного каменного дома господин Коронный Дозначик вид имел довольно внушительный. Что ростом, что шириной плеч, этот дядя совсем немного уступал громилам-оркам. Однако более благородные черты лица и самый обычный цвет кожи делали его, всё же, куда симпатичнее.

Наверное, ровесник комиссара — лет на пятнадцать или двадцать старше меня. Высокий лоб, крупный прямой нос, торчащие в стороны усы с забавными завитушками. Квадратный подбородок, гладко выбритый аж до синевы. Темные курчавые волосы, седые на висках. И обрамляющие лицо, пышные рыжеватые бакенбарды. Во взгляде серых глаз чувствовалась стальная воля и непоколебимая уверенность в собственных силах.

Одет дозначик был в длинный бежевый сюртук поверх белоснежной сорочки со стоячим воротником и пышным галстуком-бантом. Серые узкие брюки заправлены в высокие сапоги. Одним словом, весьма щеголеватый тип довольно солидной комплекции.

И вот это за его жену переживал комиссар? Да я на фоне этого товарища выглядел бледной амёбой, на которую и не взглянет никто, тем более жена Коронного Дозначика. Ещё и оказавшаяся, пусть не совсем юной, но всё же достаточно молодой и неотразимо красивой.

Стоя чуть позади мужа и будучи ростом ему по плечо, девушка являла собой пример сногшибательного очарования. Голубоглазая блондинка с тонкими изящными чертами лица. Пышная шевелюра собрана на затылке и запрятана под какую-то сетку, украшенную блестящими стразами.

Приталенный жакет и брюки бледно-голубого цвета прекрасно подчёркивали стройность фигуры. На ногах — такие же, как у мужа, высокие сапоги, только имеющие более высокий каблук. Не девушка, а леденец на палочке.

Эта парочка на конную прогулку, что ли, собралась? Похоже, вовремя мы их перехватили.

Пока я, выбираясь из повозки, паялился на дозначика и его жену (если честно, то на жену больше), комиссар бодренько прыгнул на мостовую.

— Ваши высокородия, несказанно рад видеть вас в добром здравии и благостном расположении духа, — с энтузиазмом, но не особо лебезя, поприветствовал он семейную чету и махнул рукой в мою сторону: — Позвольте представить вам господина Владислава Штольца. Того самого иномирца, о котором я сообщил вам в послании.

Это когда он успел что-то послать и сообщить? Посыльного, может, вчера отправил с донесением? Не по телеграфу же передал. Я что-то вдоль дороги, пока ехали из станицы, столбов с проводами не наблюдал. Лишь в городе таковые замечены были, да и те вроде только фонарные.

— А это, — комиссар обернулся ко мне и широким жестом указал на хозяев дома, — её высокородие княгиня Анастасия Романовна Снежина-Карабашская и господин Коронный Дозначик князь Снежин.

Я, терзаясь сомнениями, стоит ли выдавать что-нибудь навроде «очень приятно» в ответ на представление высокородных особ, молча склонил голову. После чего удостоился лёгких благосклонных кивков князя и княжны.

Так и не понял, сделал ли я всё правильно или же мне великодушно простили оплошность, как человеку, не знакомому пока с местными правилами этикета.

Девушка, вопреки моим разыгравшимся комплексам, разглядывала меня с живым интересом. Хотя, скорее всего, это было обычное любопытство, вызванное не моей неотразимой красотой и мужественностью, а всего лишь иномирским происхождением. Не удивлюсь, если её и вовсе интересовал лишь мой необычный наряд.

Господин же дозначик взирал на меня свысока, не выражая никаких особых эмоций, так, словно просто взглянул на календарь и узнал, какой нынче день недели. Ну пятница и пятница, иномирца и иномирца. Подумаешь, какая ерунда.

Тем не менее князь первым прервал неловкое молчание:

— Рад нашей встрече, господин Штолец. Ваша помощь, о сути которой вам наверняка уже поведал господин уездный комиссар, придётся мне как нельзя кстати.

— Взаимно, — только и успел кивнуть я в ответ. В следующий же момент внимание моё отвлекла открывшаяся дверь и появившийся на крыльце весьма необычный тип.

Ну понятно теперь. Что может заинтересовать князя во мне, когда его окружают подобные кадры! Это что ж за чудо-юдо такое?! Гоблин? А почему он такой высокий? Ростом с княжну и даже чуть выше. Гоблины вроде мелкими должны быть.

— Князь, княгиня, ваши головные уборы, — как-то гнусаво, но весьма чопорно проскрипел этот странный субъект, протягивая дозначику и его жене шляпы-цилиндры с нацепленными поверх тулий защитными очками. Как у первых мотоциклистов или лётчиков начала прошлого века.

На шляпы, правда, я лишь мельком взглянул. Этот тип, что, скорее всего, выполнял при княжеской чете обязанности слуги или камердинера, был куда необычнее.

Прежде всего бросался в глаза оливково-зелёный окрас странного товарища, имеющего весьма преклонный возраст, если судить по жутко морщинистой коже на лысой голове и костлявых руках.

Грандиозных размеров нос старика загибался книзу, словно орлиный клюв. И чуть ли не дотягивался до острого подбородка, гордо и независимо выдающегося вперёд.

Верхняя губа, видимо, из-за отсутствия зубов, западала внутрь. Зато неплохо сохранившиеся нижние зубы острыми клинышками выпирали наружу. Ещё и глаза абсолютно чёрные, словно белков в помине нет. Просто жуть какая-то.

Но больше всего поражали непропорционально огромные, слегка обвислые уши, забавными локаторами торчавшие в стороны и жившие своей, казалось, совершенно независимой от хозяина жизнью. Они постоянно шевелились и двигались, каждое само по себе, словно пытаясь уловить мельчайшие звуки и шорохи, доносившиеся с улицы.

Длинная серо-зелёная ливрея с жёстким воротником-стойкой, походила больше на шинель и, будучи застёгнутой наглухо, плотно облегла худосочное тело старика. Создавалось впечатление, что, именно благодаря этому, дедок и держится прямо, даже почти не сутулясь.

— Наш дворецкий Ян Флиппе, — представила мне княжна эту жуткую помесь Чебурашки и Крокодила Гены. — Он проводит вас в ваши покои и покажет дом.

Старик чуть повёл головой, скорее обозначив, чем совершив, поклон и неожиданно по-молодецки щёлкнул каблуками туфель, очень похожих на комиссарские. Такие же тупые носы и крупные блестящие пряжки.

— К вашим услугам, сударь, — несмотря на вполне вежливое обращение, не похоже было, что дедуля сильно рад моему появлению в доме.

Хотя, возможно, такое ощущение возникало из-за слишком пронзительного взгляда — недоброго и колюче вперившегося в меня из-под почти безволосых бровей. А возможно, из-за неприятного голоса, своей скрипучестью переплюнувшего даже звук открываемых ворот пристроенного к особняку гаража.

То, что это именно гараж, а не какой-нибудь склад или конюшня, стало ясно с первых же донёсшихся оттуда звуков — мерному перестуку работающих механизмов и шипению сбрасываемого клапаном пара.

— Господин, ваш паром, — проскрипел дворецкий, указывая на выкатывающийся из ворот автомобиль.

Вот это агрегат! Всё те же три колеса и пассажирские места за креслом водителя. Только позади, вместо заводного механизма, всё то, что положено иметь транспортному средству с паровым двигателем: котёл с топкой, поршневая система со всякими шатунами да маховиками и, конечно же, трубы, куда без них. Одна — нещадно дымящая, идущая от топки, и ещё две разной толщины — явно предназначенные для выхода пара.

Управлял автомобилем человек в застёгнутом доверху свободном бесформенном плаще, в нахлобученной на голову шляпе-котелке и в нацепленных на нос мотоциклетных очках.

Я разглядывал шофёра и управляемую им доисторическую конструкцию с любопытством, а вот физиономия комиссара сияла завистливым восторгом. Ещё бы, самая ведь передовая техника. Наверняка, этот мастодонт автомобилестроения ценится местными жителями куда выше механических колесниц.

— Вы уж не обессудьте, господа, мы с супругой собирались прокатиться до торговых рядов. — Князь принял из рук дворецкого шляпу и водрузил её себе на голову. Обернулся к нам с комиссаром. Не похоже было, что он оправдывался. Скорее, ставил в известность о своих намерениях. — Много времени это не займёт. Буду рад встретиться с вами за обедом. Валяй Силович, вы ведь тоже останетесь отобедать с нами?

Довольное лицо толстяка расплылось в радостной улыбке, и он собрался было что-то ответить, но где-то вдалеке внезапно грохотнуло так, что в окнах домов задребезжали стёкла.

— Что это, дорогой? — княгиня обеспокоенно коснулась локтя мужа.

— Кажется, это в стороне Паро-механического, — нахмурившись, не замедлил с ответом тот и обернувшись к дворецкому, скомандовал: — Пошли-ка запрос, голубчик.

Ушастый старик скрылся в особняке, а князь с сожалением на лице обратился к супруге:

— Прости, милая, поездку, похоже, придётся отменить. Я должен отправиться на завод.

— Дорогой, — княгиня, капризно надув губки, вновь перетянула внимание мужа на себя, — я бы тоже с вами поехала. Нет никакого желания торчать дома, пока ты катаешься по городу. Я бы села за руль. Ты ведь обещал мне дать поуправлять паромом. Я...

— Анастасия Романовна, — жёстко оборвал девушку дозначик, — вам там совершенно нечего делать. Это будет отнюдь не увеселительная поездка.

— Взрыв во второй котельной, — вернувшийся с докладом дворецкий без стеснений перебил девушку. — Руководство не исключает диверсии. Есть жертвы.

— Вот видишь, милая, там может быть опасно, — как бы с сожалением развёл руками князь. Но мне показалось, на самом деле он только рад появившемуся вескому доводу. — Оставайся всё же дома. В следующий раз прокатишься. Господин Штольц, у меня нет выбора. Штатный медиум пропал две недели назад и считается погибшим. Ваше появление здесь — просто подарок судьбы. Воля providения. Хотя вы официально ещё и не приняты в штат сысканого управления, в данных обстоятельствах я просто вынужден привлечь вас к расследованию. Испытаем ваш дар. Кстати, вы умеете обращаться со стрелковым оружием?

Даже так? Об участии в боевых действиях договорённости не было. Но не выставять же себя бесполезным трусом. Я кивнул, и князь перевёл взгляд на толстяка:

— Господин комиссар, вы с нами? За жандармами, наверняка, уже послали, но пока они придут, мне ваша помощь не помешает.

Толстяк, похоже, желанием отправиться на завод не горел. Но, видимо, ударять в грязь лицом, ему, как и мне, тоже не хотелось.

— Конечно, ваше высокородие, — после короткой заминки выдал он. — Можете располагать мной по своему усмотрению.

— Голубчик, — князь кивнул дворецкому, — нам понадобится оружие.

Глава 6

Втроём мы катили по улицам города на пароход князя, самостоятельно усевшегося за руль после того, как шофёр Эмиль был благосклонно отослан отдыхать.

Нас всех обрядили в защитные плащи, что с изрядным запасом имелись в большом багажном отделении. И князь, и комиссар нацепили мотоциклетные очки-гоглы, я же отказался. Сбегал к своей машине и достал из бардачка дорогие антибликовые окуляры. Думал вполне обойтись ими, спасаясь от встречного ветра. Оказалось, что сглупил.

Ехали мы километров под тридцать, иногда разгоняясь аж до сорока, что, несомненно, судя по горящему взгляду и довольной физиономии, очень радовало комиссара, не привыкшего к таким «бешеным» скоростям и всюду наслаждавшегося поездкой на престижном авто.

Для меня это вялое передвижение было скучным и раздражающим. Даже возможность рассмотреть город не радовала из-за слишком жёсткой подвески парохода.

Брусчатка, по которой мы катили, каждой неровностью отдавалась в заднице, потому как ни хрена не мягкие сидения кресел тоже нисколько не добавляли путешествию комфорта. И пусть мы ехали не так быстро, чтобы встречный ветер сильно досаждал глазам, но из-за смены направления этого самого ветра в открытую кабину парохода частенько наносило клубы дыма от угольной топки. Вот дым-то, гад, и норовил разесть глаза с самым жгучим энтузиазмом.

И чего княгиня так рвалась покататься на пароход? Как по мне, так было бы куда лучше дойти до завода пешком. Ну их к лешему такие катания.

Я уже готов был сдаться и попросить у князя ещё одну пару защитных очков, когда наш копчёный тарантас наконец-то добрался до торопливо распахнутых перед ним ворот.

Мы въехали на территорию завода. Князь, ловко соскочил с водительского сидения. Не снимая ни плаща, ни шляпы, лишь сдвинув очки на лоб, незамедлительно направился прямоком к левому корпусу завода. Туда, где в толстой краснокирпичной стене зиял пылящий, дымящий и парящий пролом. Я же, вздохнув с немалым облегчением, поспешил за ним. Комиссар тоже не отставал, семена следом.

Ага, неплохо шандарахнула эта вторая котельная. Битые кирпичи по всему двору разметало. А в дыру при желании можно было пропихнуть княжеский драндулет. Это каких же размеров рванувший котёл был? Или это печь угольная взорвалась? Вроде, при неправильном уходе за дымоходом, может такое случиться. Да и пыль угольная — штука опасная.

Но это пусть специалисты разбираются. Князя же, если я правильно понял, в большей мере интересовал криминал. А точнее, предполагаемая диверсия, возможно ставшая причиной

аварии. Значило ли это, что пребывание на заводе было опасным? Чёрт его знает. Но выданное дворецким пружинное ружьё я в машине оставлять не стал, с собой прихватил.

Сам князь вооружён был весьма необычным подобием револьвера. Барабан у огромного пистолета вынесен был далеко вперёд, примыкая к короткому, но толстому шестигранному стволу. А вместо латунных блестяшек гильз виднелись в барабане крупные и, как мне показались, стеклянные цилиндры патронов, наполненных какой-то жидкой зелёной субстанцией.

Ещё возле дома князь, приняв из рук гоблина своего оружейного монстра, спрятал его за пазуху, не позволив мне получше рассмотреть странную конструкцию. Только здесь повезло.

А комиссар у дворецкого ничего брать не стал, заявив, что располагает личным арсеналом. И прихватил из своей повозки собственный дрововик.

Кстати, по дороге на завод я выяснил, что старый Ян Флипке совсем даже и не гoblin. Когда спросил об этом комиссара, тот долго ржал, отмахиваясь руками. И неуклюже пытался, ковыряя пальцами под очками, вытереть выступившие от смеха слёзы. А потом посоветовал, если я не хочу завести себе коварного и смертельно обиженного врага, ни за что не говорить подобной чуши при самом дворецком. Потому как на самом деле является тот эльфом и причисление к гoblinской породе будет глубочайшим оскорблением не только для него самого, но и для всего его рода. Жест, короче.

Какая-то ерунда творилась в этом мире с нечеловеческими расами. Орки были не зелёными, а красными. Эльфы, наоборот, своей зелёностью могли потягаться с газоном. И при этом отнюдь не выглядели ни бессмертными, ни писанными красавцами. Интересно, какие тут гoblinы? Тоже, поди, нестандартные какие-нибудь.

А люди? Они тут, вообще, люди?! Или тоже окажется, что вовсе даже нет? Хотя это я, конечно, уже загнул. Ничего нечеловеческого в новых знакомых я не разглядел. Особенно в жене дозначика, которая при прощании улыбнулась мне так, что в паху у меня остро полыхнуло желанием.словно я юнец какой прыщавый, ни разу не любленный. И словно не упала меня с утра неугомонная орчанка.

Очень даже миленькая и сексуально-привлекательная девица эта княгиня. И совершенно человеческого обличия. Если, конечно, она не суккуба какая-нибудь и не скрываются в пышной копне светлых кучеряшек коротенькие дьявольские рожки. Или хвост у чертовки, скажем, имеется. Может, и нет, конечно. Но процесс поиска этих интимных деталей на теле княгини обещал быть весьма увлекательным.

Что-то меня совсем не туда занесло. Пока я мысленно пускал слюни на жену господина дозначика, сам он влез в здание котельной прямо через пролом, взобравшись по груде вывалившегося наружу кирпича. Мы с комиссаром, прикрыв ладонями носы, разумеется, поперлись следом.

Ага, как выяснилось, отвечала эта котельная за подачу пара на агрегат, приводящий в движение конвейер в соседнем цехе. И, кажется, ещё на несколько подъёмных механизмов, ворочающих тяжёлые запчасти. А собирали там ничто иное, как локомотивы для будущей железной дороги.

Местный правитель и здесь оказался впереди планеты всей, решив построить у себя стальную магистраль. Она должна была протянуться от восточных до западных границ герцогства. Уже всю велись подготовительные работы: строились мосты, сооружались насыпи и вырубались тоннели.

Где-то в области отливались рельсы и некоторые запчасти для паровозов. Хотя большая часть деталей отливалась и ковалась непосредственно в городе. В городе же, перепрофилировав мастерские, вместо механических колесниц начали потихоньку собирать и новомодные паровые автомобили.

В общем, Селябское герцогство решительно стремилось стать одним из индустриальных центров Западного Союза. Слушая комиссара, подсевшего мне на уши, пока князь не вдалеке

беседовал с кем-то из заводского начальства, я прямо-таки проникся прогрессивными веяниями, царившими в стране, и захотел хоть одним глазком да взглянуть на такого энергичного правителя-авангардиста. Знатную кашу товарищ заварил.

— Пойдёмте, господа, — вернулся к нам князь. Лицо его было спокойно, и в голосе не было особой встревоженности. Чувствовалась, скорее, озабоченность и стремление поскорее разобраться в досадной неприятности. — Скоро приедет наряд жандармов. Нужно успеть осмотреть помещение, пока тут всё не затоптали. Эти глупцы и так проявили инициативу, перетаскив тела с места гибели. Господина Комиссара я попрошу побеседовать с бывшими поблизости рабочими. А господину Штольцу придётся пообщаться с двумя погибшими. Хочется надеяться, они смогут нам хоть что-то поведать.

— И как же, интересно? — буркнул я себе под нос, особо и не надеясь на ответ.

— Всё-таки диверсия? — вопросительно поднял брови комиссар, вынимая из внутреннего кармана сюртука уже знакомую мне записную книжку.

— Скорее всего. Сторож на проходной зарезан, а это, вкуче с аварией, не может быть простой случайностью, — задумчиво и несколько отстранённо ответил толстяку дозначик. Мой вопрос он и впрямь проигнорировал. Князь, вообще, будто погрузился в свои размышления, и всё наше общение теперь больше походило на его разговор самого с собой. — Котёл обслуживали опытные специалисты. Одни из первых, освоивших производство. Такие ошибиться не могли. Погибший мастер и вовсе лучший специалист-гидродинамик. Был.

— Что ж, будем копать, — согласно выдал комиссар и срулил в сторонку, направившись к обозначенной князем группе трудящихся. Сбившись в кучку, те топтались у выхода из котельной, чего-то дожидаясь и изредка переговариваясь между собой. Все как один в грязных робах и с одинаковым выражением понурой угрюмости на чумазах, покрытых пылью и копотью лицах.

— Молодец, Валяй Силович, — внезапно сообщил мне князь, направившийся к двум телам, лежащим чуть поодаль на полу и с головой накрытым какими-то рогожками. Надо же, а я-то решил, что он и думать обо мне уже забыл. — Хотя и не в нашем ведомстве служить изволит, но специалист толковый. Из простых оперативников в комиссары вышел. Без всяких протекций и несмотря на подлый род. Ещё несколько лет выслуги, и дворянский титул получит.

— Угу, молодец, — покивал я, хмурясь и недоверчиво глядя на трупы. Что и каким образом они мне поведать-то могут? — А как с ними общаться?

— С ними? — уточнил князь, подходя к телам, склоняясь над ближайшим из них и приподнимая край рогожки.

Твою медь! Лучше бы он этого не делал. Не то, чтобы я совсем не переносил вид покойников. В жизни уже со всяким приходилось сталкиваться, и повышенной чувствительностью юной институтки я не страдал. Но тут зрелище было совсем уж не из приятных. Мужика буквально сварило и оплавило, превратив лицо в какое-то жутко покорёженное месиво.

Если бы дозначик не отпустил рогожку, вновь прикрыв труп, я бы блеванул прямо на его щёгольские брюки и сапоги.

— Вы бы пока отвернулись, что ли, — видимо, князь заметил моё состояние и проявил снисходительность. — Я сейчас хотя бы одежду осматриваю на предмет повреждений и позову вас. Детальный осмотр придётся проводить эксперту. Кожные покровы сильно повреждены.

Сильно — не то слово. А мне, согласен, лучше отвернуться на время.

Сам дозначик, кстати, даже в лице не переменился. Так и оставался равнодушно-сосредоточенным, словно выполнял в уме сложные математические вычисления.

Пока я утихомиривал эмоции и выравнивал дыхание, добросовестно таращась на красную кирпичную стену, князь ползал на корячках вокруг ошпаренных тел и тщательно их изучал. Вот это выдержка у человека! И никакой брезгливости. Даром, что из благородного сословия.

— Ну-с, господин Штольц, приступайте, — окликнул он меня через несколько минут и приглашающим жестом указал на покойников. — А я пока вокруг осмотрюсь, чтобы вам не мешать.

— Ещё бы знать, как, — растерянно почесал я затылок и снял, чтобы протереть, запотевшие ни с того, ни с сего, очки.

— Сосредоточьтесь, — с умным видом посоветовал князь, немного отступая назад. — На меня внимания не обращайтесь. Постарайтесь наладить контакт с тонкими полями погибших.

Ну и на чём тут сосредотачиваться?

Я смотрел на прикрытые тела покойников и тихо радовался, что те не пялятся на меня в ответ. В подобных условиях я бы точно не смог наладить с ними никакого контакта. Впрочем, и так ничего не выходило. Я пытался разглядеть такие же мутные пятна над телами, как тогда на поляне. Бесполезно. Никаких пятен не наблюдалось. Разве что мухи налетели и принялись кружить вокруг мертвецов, мерзко жужжа и примеряясь, куда бы приземлиться.

От одной из мух, почему-то нагло решившей устроить «аэродром подскока» у меня на плече, я отмахнулся. И непроизвольно проследил взглядом за хитрой траекторией полёта, позволяющей увернуться от карающей длани и при этом сильно не отдалиться от облюбованного плеча. Возможно, попавшая вчера на меня кровь орка не совсем отмылась от одежды. Вот и привлекала теперь эту надоедливую заразу.

Как бы то ни было, отведённый от покойников взгляд сыграл решающую роль. Краем глаза я заметил зависшие над трупами рабочих темноватые и бесформенные пятна душ. Попались, голубчики!

Теперь не потерять бы их из виду.

Попробовал сфокусировать взгляд на этих тонких полях.

Вот ведь гадство! Исчезли.

Пришлось вновь отводить взгляд и отслеживать момент появления душ на периферии зрения.

Расплывчатые пятна появлялись, но тут же исчезали, стоило мне попытаться сосредоточить на них внимание и попробовать рассмотреть.

Да что ж за ерунда такая?! Там на поляне я ведь спокойно разглядывал непонятное пятно, и оно совсем не торопилось при этом пропасть из виду. Может я слишком волнуюсь? Или чересчур стараюсь? Где там мой здоровый пофигизм? Ну не выйдет и не выйдет. Не возьмут меня в дозначики, пойду в тайные прогрессоры. Вон тут как к новым технологиям трепетно относятся. Пошли они к лешему со своими запретами и тонкими полями...

Стоило мне плюнуть на необходимость отлавливать вредные привидения и отвернуться от мёртвых тел, пятна сами собой проявились. И не исчезли, даже когда я хмуро глянул на них практически в упор. Ну и что это были за фокусы с притворной стеснительностью? Какого, спрашивается, нужно было выкобениваться?

Так, ладно. Дальше что? Как с ними общаться? И куда при этом смотреть? Пятна совершенно бесформенные. Ничего общего с привычным образом привидений или призраков. Ни туловища, ни рук, ни ног. И сверху ничего похожего на голову. Ни рож, ни ртов, соответственно. Просто две дымчатые кляксы, зависшие в воздухе. Как с ними беседовать?

Ну вот, пятна немного вытянулись в высоту и в верхней части каждого вырос аппендикс, отдалённо напоминающий голову.

Так, стоп! Это они под мои пожелания подстраиваются? А если сейчас хоть на одном из них проявится обваренная физиономия? Да я же кину всё нафиг!

Нет, всё остановилось на смутных намёках — огромный, словно надкушенный снизу, огурец туловища и голова в виде приросшего сверху помидора поменьше. Руки и ноги по-прежнему отсутствовали. Да и чёрт с ними.

Каспер-один и Каспер-два. Только не белые, а тёмные.

Так, Каспер-один, давай-ка начнём с тебя. Не зря же ты первый. Давай, расскажи мне что-нибудь.

Как вот только он это делать будет при отсутствии рта? Наверное, мысленно.

Значит нужно попробовать уловить исходящие от привидения мысли. Или чувства? И, наверное, перестать думать о чём-либо самому. Сесть, отложив ружьё в сторонку, расслабиться и забыть про весь окружающий мир.

Я уселся на пол рядом с одним из трупов и постарался представить себя камнем. Большим, холодным, ни на что не обращающим внимание и ни о чём не думающим камнем.

Трудно ни о чём не думать, когда в голову лезут то вид ошпаренного лица, то картинки с взрывающимися и вдребезги разлетающимися паровым агрегатом.

Я пытался отогнать эти видения, но, если от лица покойника я как-то ещё сумел отделаться, то зрелище катастрофы настойчиво вламывалось в моё сознание, повторяясь раз за разом и не желая никуда пропадать. И чем больше оно повторялось, тем реалистичнее ощущалось, будто я сам присутствую при взрыве. Под конец мне уже и вовсе казалось, что я ощущаю полыхнувший жар, обжигающий сначала почему-то левую сторону лица и спину, а потом охватывающий и терзающий всё тело.

Причём начиналось это малоприятное видение всегда с одного и того же — с прыгающего перед глазами светлого пятна дверного проёма на тёмном фоне кирпичной стены. Затем всё резко уплывало вправо, словно я оглядывался через левое плечо, и в поле зрения появлялась паровая установка, тревожно парящая из всех щелей, через мгновение взрывающаяся и тут же окатывающая меня нестерпимым жаром.

Раз несколько прокрутилось в башке это кино, прежде чем до меня дошло — это были не мои мысли, не моё представление о случившемся, а самое настоящее виденье катастрофы глазами очевидца. Это душа покойника транслировала мне в голову то, что её хозяин смог разглядеть в последние мгновения своей жизни.

Сработало! Я наладил контакт с биологическим тонким полем мертвяка!

Вот только, как я не старался, пытаюсь увидеть ещё хоть что-нибудь, ни черта у меня не выходило. Либо бедолагу от страха заклинило на этом эпизоде, либо мои навыки медиума не позволяли пока что копнуть глубже, раскрутив душу покойника на более ранние воспоминания. А может, и вовсе это было невозможно. Мне ведь так ничего и не объяснили, очертив границы новых способностей.

В любом случае, раз с этим усопшим я больше ни о чём договориться не мог, пора было переключаться на его товарища по несчастью.

Пересел. Расслабился, уходя в окаменевшего себя. Пару, наверное, минут, не видел ничего. Может быть, потому что не сразу отошёл от воспоминаний предыдущего мертвеца. И ещё от будоражащего разум осознания своих новых сверхспособностей. Это, конечно, не лазеры из глаз, не липучие нити из ладоней и не способность летать. Ну так я и не собирался носиться по улицам в обтягивающем задницу и передницу трико, спасая мир. Побуду простым экстрасенсом на службе у закона. Тем более, за это неплохо платят.

В общем, как только я обуздал эмоции и более-менее простерилизовал мозг, смог гораздо быстрее, чем в первый раз, настроиться на трансляцию воспоминаний своего нового «собеседника».

И в этот раз взрыва не было! Я видел чьё-то лицо. Очень неприятное лицо. И очень близко видел. Прямо перед глазами. Крупный, крючковатый зелёный нос маячил перед моим взором, словно гипнотизируя и почти полностью оттягивая внимание от зло сощуренных глаз и слегка шевелящихся губ. Потом губы расплывались в кривой усмешке, частично обнажающей острозаточенные зубы. Лицо уменьшалось, чуть отдаляясь, и в поле зрения попадало вислое ухо, позволяющее окончательно убедиться в том, что я вижу перед собой соплеменника Яна Флипке. Затем всё начинало темнеть и воспоминания обрывались.

Эти видения я тоже прокрутил через себя несколько раз в надежде расширить их границы. Попытки не увенчались успехом. Но с третьего или четвертого раза я начал под конец воспоминаний ощущать острую боль в правом подреберье. Словно что-то острое вонзалось мне в печень. Не самые приятные ощущения. Я даже схватился рукой за бок, успокаивая эти странные фантомные боли.

— Ну что я могу вам сказать, Ваше Высочество, — в результате обратился я к князю, когда окончательно убедился в бесполезности дальнейших попыток «разговорить» покойника, — сам взрыв я увидел, но причин разглядеть не смог.

— Плохо, — нахмурился князь, даже не выслушав меня до конца, и повернулся к как раз подходившему комиссару: — У вас что, Валяй Силович?

— Посторонних никто из рабочих не видел, — развёл руками комиссар. — И я имел смелость отпустить их восвояси. Единственное, один из них вспомнил, что у погибшего мастера вроде как была на сегодня назначена встреча с посетителем из «трудовиков». И начальник цеха подтвердил, что в правление поступала радиограмма из Министерства Развития о прибытии на завод представителя Трудового Братства. Я специально записал, чтоб не спутать, — Бронев помахал перед нами своим блокнотом. — Проверка условий труда, соблюдения прав работников и всё такое. Но в глаза никто этого представителя не видел.

— Охранник на воротах должен был видеть. Нужно будет проверить, — повернулся князь ко мне.

— Мне кажется, — я указал на труп, — он тоже его видел. Ну и я, соответственно. Не знаете, на заводе есть эльфы?

— На этом нет, — мотнул головой дознащик, — они не сторонники паровой индустриализации.

— Значит это точно он, — почему-то я был в этом совершенно уверен. — Помоложе вашего Флипке, но такой же носатый и лопоухий. Да, кстати, — припомнил я последнюю бросившуюся в глаза подробность, — левое ухо у него травмировано. Как будто кто-то кусок посредине выгрыз.

— Это точно? — нахмурившись, вперил в меня задумчивый взгляд князь.

— Абсолютно, — кивнул я. — И ещё, похоже эльф левша. Пусть ваши эксперты проверят: эльф, мне кажется, пырнул этого товарища ножом в печень.

— Я передам, — мне показалось, что князь удовлетворился моими экстрасенсорными изысканиями.

Ну да, какая-никакая, а зацепка. Только почему-то лицо дознащика после моих слов ещё сильнее посмурнело, и мыслительный процесс в его башке закипел с новой силой. Только и выдал нам напоследок с самым серьёзным видом:

— Господа, убедительно прошу вас нигде не распространяться об этом. Пусть подробности дела пока останутся между нами. Валяй Силович, зная вашу любовь к ведению записей, категорически настаиваю на том, чтобы они оставались при вас неотлучно.

Когда в котельный зал ввалился наряд жандармов в сопровождении пары деловитых типчиков, тащивших в руках большие пузатые саквояжи, князь быстро раздал им указания и потащил меня на проходную завода. Комиссар, не видя причин торчать на развалинах без нас, устремился следом.

Сеанс общения с мёртвым сторожем прошёл и вовсе на удивление быстро. Я только успел присесть да попросить присутствовавших там господ жандармов не шуметь, а лучше отойти в сторонку, как информация полилась ко мне в мозг чётким и устойчивым потоком. Не так много её было, но для подтверждения моей догадки хватило вполне. Сторожа прикончил сбегавший с завода эльф, удачно выбравший момент, когда отсутствовали свидетели, но неудачно засветивший мне своё рваное ухо.

— Да, это он, — сообщил я дознащику, вопрошающе на меня глядящему.

После чего князь отдал ещё какие-то распоряжения жандармам и, торопливо отведя нас с комиссаром к своему пароходу, таинственным голосом заявил:

— Господа, я сейчас отвезу вас домой и ненадолго отлучусь. В свете полученной информации мне необходимо кое что проверить. Надеюсь, вы не останетесь в обиде за то, что я вас покину. Дело тут назревает государственной важности, и упустить возможность во всём разобраться я никак не могу.

— Понимаю вас, — кивнул комиссар. — Какие уж тут обиды. Дела есть дела.

Я тоже не был против подобного развития ситуации. Нужны мне его государственные тайны. Домой, так домой. Тем более и в желудке у меня уже давно жалобно урчало от голода, да и мочевого пузырь достаточно требовательно уже настаивал на близком знакомстве с каким-нибудь местным санитарным узлом.

Глава 7

Когда мы, хапнув очередную порцию дорожной тряски, наконец-то добрались до княжеского дома, моё терпение готово было лопнуть, взорвавшись, в любой момент.

— Любезный, — обратился князь Снежин к вышедшему встретить нас дворецкому, — прими у господ плащи и проводи в обеденную залу. А я отлучусь пока. И отправь сообщение в управление о приёме на службу господина Штольца в должности помощника Коронного дозначика. Пусть подготовят соответствующую прокламацию. Отметь, что кандидат необходимыми навыками обладает, проверку прошёл успешно. Господин комиссар, господин помощник, — князь повернулся к нам, — вынужден откланяться. А вы проходите, обедайте. Меня не дожидайтесь.

— Ваше высочордие, — скорчил кислую мину комиссар, — я, пожалуй, не смогу принять приглашение. Такие дела закрутились... Это ведь и к нашему ведомству касательство имеет. Так что я в министерство поспешу, отчитаюсь, если вы не против, об увиденном. Без подробностей, разумеется, с полным пониманием соблюдения, так сказать. Вы уж не сочтите за неуважение.

— Ну что вы, Валяй Силович, вполне вас понимаю, — кивнул князь. — Не смею препятствовать. Служба — прежде всего.

Пока они куртуазно расшаркивались друг перед другом, я уже начал пританцовывать на месте, судорожно сдвигая коленки. Это что ж такое с организмом моим? Никогда желание облегчиться не проявлялось столь нестерпимым образом. Не иначе, утренний Фимкин эликсир обладал сильным мочегонным эффектом.

Снежин, распрощавшись с нами, отправился к своему пароходу, а комиссар, передав через дворецкого душевные пожелания здоровья княжне, решил на прощание поздравить меня с назначением на высокую должность. Я кисло улыбался, кивал, что-то бормоча в ответ и мечтая лишь не опозориться прилюдно. А потому был несказанно рад, когда толстяк перестал наконец-то с энтузиазмом трясти мою руку и отправился восвояси.

Я бы молнией метнулся в дом, да не знал, куда. И потому вынужден был плестись за дворецким, милостиво, мать его налево, соблаговолившим проводить меня до уборной.

С каменным выражением лица и гордо выпрямленной спиной старый поганец шагал настолько неспешно, что, когда искомая дверь наконец была мне предъявлена, я рванул к ней безо всякой учтивости, чуть не сбив зеленомордого истукана с ног. И лишь потом, выйдя из вполне, кстати, цивилизованного, оснащённого унитазом и раковиной туалета, облегчённо вздохнул и смог адекватно воспринимать окружающий мир. В том числе и дворецкого, по-прежнему стоявшего у дверей и с невозмутимо-унылой рожей поджидавшего меня.

— Сударь, извольте проследовать за мной, — проскрипел он гнусаво, — я покажу вам ваши апартаменты.

Апартаменты, любезно предоставленные мне гостеприимной княжеской четой находились на втором этаже. Заблудиться не получилось бы при всём желании. Поднимаешься по лестнице, что в самом центре дома, сворачиваешь налево и топаешь по широкому, но не слишком длинному коридору до самого конца. А там дверь справа — моя.

Самая обычная комната. Квадратов под двадцать. Разве что непривычные очень высокие потолки и два окна лучковой формы — прямые вертикальные боковые стороны и закруглённая верхняя часть. Оба окна на одну сторону.

Платяной шкаф, письменный стол со стулом да широкая кровать с тумбочкой возле неё — вот и вся меблировка. Правда выглядело всё изысканно-вычурным из-за красивых выгнутых ножек и множества резных декоративных элементов. Словно в музей зашёл. Не хватало только балдахина над кроватью и золотых канделябров.

Зато имелась, тронувшая меня своим минимализмом, люстра — на недлинной ножке три изогнутых рожка, заканчивавшихся трубчатыми лампочками накаливания. Похоже, в области электрического освещения местные умельцы не успели пока ещё наработать «фильдеперсовых» конструкций с разными украшениями. Да и ладно. Главное, свет есть, жить можно.

Имелись в моём распоряжении и свои собственные «удобства» — расположенные в смежном помещении совмещённые туалет и умывальня с душем. Как в хрущёвке, только раза в два больше. Отлично. А то я уж думал, что так и придётся по любой нужде на первый этаж бегать.

Кстати, княгиня, как выяснилось, совсем неподалёку от меня размещалась — в этом же крыле, но с противоположной стороны коридора. А вот апартаменты князя, видимо, предпочитавшего отдельное проживание, находились далековато, аж в другом крыле.

Задерживаться в своей комнате я не стал. Только куртку в шкаф закинул. С утра-то ещё прохладно было, а после распогодилось, потеплело. Назад ехали, я прямо взопреп весь. Даже в оставшемся на мне вязаном джемпере было несколько жарковато и неудобно. Да и джинсы с зимними ботинками, в коих яростно потели ноги, комфорта не добавляли. Хотелось надеяться, что от меня не слишком уж сильно пахло и я не распугаю своими «ароматами» всех окружающих. Нужно будет подальше держаться от княгини.

— Из управления сообщили, — решил поставить меня в известность старый эльф, когда мы спускались по лестнице, — скоро прибудет бригада похоронщиков за телом вашего погибшего механика. Возможно, имеет смысл присмотреть за изъятием. А то людишки-то они все не ахти. Того и гляди, поломают что-нибудь или сопут. Рожи все как один бандитские. За такими без пригляду никак.

Причём выдал это с таким видом, будто он один Д'Артаньян, а вот «людишки» все, и я в том числе, сплошные гондурасы.

Хотел было делегировать полномочия этому инициативному дятлу, раз он такой весь из себя умный и порядочный, но сообразил, что багажник без меня местные вряд ли смогут открыть, не взломав.

— А где моя машина? — Ладно, схожу гляну, тем более до обеда ещё, как выяснилось, время есть.

— В гараже. — Дворецкий посмотрел на меня, как на полоумного. — Где ж ей ещё быть?

— Что ж, любезный, — стараясь максимально подражать интонации князя, выдал я, — проводи-ка меня туда.

Кинутый на меня взгляд эльфа едва не прожёл дыру во лбу. Эх его пробрало. А нечего выставить меня идиотом. Дорогу в гараж я бы, конечно, и сам нашёл, но пусть знает, что я не собираюсь перед ним прогибаться. Кто из нас двоих прислуга, он или я?

— Конечно, сударь, — сдержано, но всё так же высокомерно кивнул зелёный паразит, — следуйте за мной.

Он потопал впереди с совершенно невозмутимым видом, гордо демонстрируя мне свою плешистую макушку и прямую несгибаемую спину.

— Вот извольте. — Распахнув передо мной дверь, чопорный дворецкий включил в гараже свет и удалился, не проронив больше ни слова. Словно его молчание могло меня как-то огорчить или оскорбить. Нужен он мне...

В глубине просторного, вытянутого в длину помещения стояла механическая колесница хозяев. Перед ней в тусклых лучах электроламп поблёскивала металлик моя измятая ласточка, и ещё оставалось немало места перед воротами для парохода князя.

— Отчего ж не изволить, — буркнул я себе под нос, подходя к своей машине, — обязательно изволю.

Имелись у меня сильные опасения, что труп в багажнике уже начал смердеть. Ан нет. Лёд, хоть и подтаял, но дело своё сделал, и окоченевшее тело не успело подпортиться. Подмокло всё, конечно, но не завоняло. Крови даже почти не натекло. Можно будет спокойно выгрести лёд и нормально потом отмыть багажник. А не озадачить ли этим старого пердуна?

Так, ну и кто же ты такой, товарищ «механик»?

Здоровый. Помельче орков, но куда крупнее меня. Наверняка, за сотню кило весом. Вот уж точно рожа бандитская. Башка обрита налысо. И пальцы в синих татухах, явно уголовного характера.

Скривившись брезгливо, залез бугаю за пазуху. Вот это да!

Содержание внутреннего кармана куртки удивило и порадовало. В потёртом кожаном портмоне обнаружили права на имя Павла Сиплакова, девяностого года рождения, и ещё несколько пятидесятичных купюр. Всё это можно было смело выбрасывать за ненадобностью. Куда интереснее оказалась иная находка — набитый патронами пистолетный магазин.

Не просто же так громила таскал с собой боезапас?

Я с ещё большим энтузиазмом принялся обыскивать покойника, хотя ворочать окоченевшее тело получалось с трудом. Чуть руки не отморозил, зато нашарил по карманам ещё четыре магазина. Сам пистолет, матово-чёрный ПМ с рифлёной бакелитовой рукояткой, оказался засунут под ремень брюк на пузе бандюка. Ну а кем ещё мог оказаться этот кадр? Не ментом же. Тогда при покойнике ещё и корочки какие-нибудь имелись бы.

Да уж, вот это находка, так находка! Лишним «Макаров» точно не будет.

Распихал всё найденное по своим карманам. Повторять подвиг гражданина Сиплакова, засовывая пистолет в штаны, не стал. Ну его нафиг, ещё отстрелю себе самое дорогое. Я, конечно, в курсе, что такое предохранитель и как им пользоваться, но тут лучше перебдеть, чем недобдеть.

И вообще, это я калаш, даже спустя столько лет после армии, разобрать-собрать смогу. А с пистолетами дел особо не имел. Была копия макарки типа для страйкбола, пулявшая пластмассовыми шариками, да и той я успел попользоваться всего четыре раза, а на пятый эта китайская хрень сломалась. Так что нужно будет ещё разобраться в конструкции и при этом ничего себе не отстрелить.

Из вещей полезного больше ничего не нашёл. Даже мобильник забирать не стал. В нём из загрузок — одна муть в стиле шансон. Ну и на кой мне это счастье?

Зато заметил парящее над трупом мутное пятно души. Надо же, до сих пор не пропало. Может глянуть на последние мгновения жизни Сиплакова? Любопытно же. Да и потренируюсь заодно.

Тишина и покой, царящие в гараже, помогли наладить контакт с полем погибшего довольно быстро. Не помешало даже голодное бурчание желудка. Бац, и информация мощным потоком ворвалась в мой мозг, выдав яркую и чёткую картинку.

Впереди, сквозь лобовое стекло, всё в каплях от растаявшего снега, еле видна стоящая перед чёрным капотом большой машины какая-то ветхая бабка, активно размахивающая клю-

кой. Слева за рулём сидит очень похожий на Павла браток — тоже лысый, в такой же кожаной куртке и с рожей, не отягощённой интеллектом. Он пытается вылезти из машины, приоткрыв дверь, но резко меняет своё решение, давя на газ и насаживая вздорную бабку на капот.

В дверь водилы влетает небольшой металлический цилиндр зеленоватого цвета. Граната, что ли?

Прокатившись по передней панели, эта штуковина отскакивает от стекла и падает прямо на колени Павла. Тот суетливо смахивает её себе под ноги, хватается за ручку двери и выпрыгивает из машины. Сто пудов, граната. Вон как сиганул прямо на ходу.

Всё кувыркается перед глазами и мгновенно тонет в дыму. Периодически мелькает обледенелый асфальт, а потом зелёная трава.

Павел с трудом поднимается на ноги и крутит башкой, видимо, стараясь понять, куда подевался дым и как он сам смог из зимы моментально попасть в лето. Но через секунду, сделав всего пару шагов, падает ничком на землю. Всё, пипец котёнку. Причину его падения я прекрасно знаю. Не повезло тебе, Паша. Пал смертью храбрых от выстрелов каких-то неведомых луннитов. Хотя не удивлюсь, если и орки-газаги в тебя тоже пару-тройку дротиков всадили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.